

**АЛЕКСАНДР
КОНТОРОВИЧ**

ЧЕРНЫЙ СНЕГ

Черные бушлаты

Александр Конторович

Черный снег

«Автор»

2011

Конторович А. С.

Черный снег / А. С. Конторович — «Автор», 2011 — (Черные бушлаты)

Последний и решительный бой «попаданца», заброшенного из XXI века в 1941 год и прошедшего все круги фронтового ада, – он вырос из «черного бушлата», воевал в «черной пехоте» и стал для врагов «черной смертью». Он узнал, насколько сложно изменить ход истории, – все равно, что плыть против течения или прокладывать путь по грудь в снегу, черном от пороховой гари и смерзшейся крови. Он попробовал на вкус этот черный горько-соленый снег, он взвалил на плечи неподъемные жернова времени и в ответе за судьбу потомков, чье будущее поставлено под удар. Ведь «если ты выстрелишь в прошлое из пистолета – будущее выстрелит в тебя из пушки...».

© Конторович А. С., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Александр Конторович

Черный снег

Глава 1

– Петрович!

– Чего тебе? – отозвался пожилой боец, лежавший в промоине между корнями дерева.

– Выстрел слышал?

– Ну...

– Чего там было-то, как думаешь?

– Откель мне знать-то? Со страху кто стрельнул, али по ошибке... да мало ли... Ты вон, за тропой смотри. Да слушай!

Молоденький боец скользнул назад. Его лежка была устроена под пнем, так, что со стороны ее было совершенно незаметно.

Прошло еще около часа.

– Слышь, Митяй!

– А?!

– Спал, что ли?

– Да ты чего, Петрович, нешто я из ума выжил?

– Шебуршит кто-то по кустам... ты притихни там и не отвечивай...

Пожилой солдат снял пилотку и засунул ее в карман шинели. Осторожно приподнял голову над краем промоины. Тихо...

Но вот в лесу треснула ветка. Еще раз... Кто-то двигался в сторону поста. Красноармеец недобро усмехнулся и, стараясь не шуметь, загнал патрон в ствол винтовки. Свернул набок головку предохранителя и положил оружие перед собой.

Кусты затрещали сильнее, и из леса вышел человек в испачканном глиной и местами порванном маскировочном комбинезоне.

Его лицо почти полностью скрывал капюшон. Остановившись на краю оврага, незнакомец скинул с головы капюшон и прислушался. Неизвестно, что он там услышал, но, по-видимому, это ему не понравилось. Осмотрев склон, человек стал искать место для спуска. При этом стало заметно, что он опирается на импровизированный костыль. Тот представлял собой свежесрубленную палку с развилкой на конце. Этой развилкой он помещался под левым плечом и был подвязан к нему веревкой.

Осторожно прощупывая дорогу, человек стал спускаться вниз. Уже у самого дна костыль потерял опору, соскользнул вбок, и, ломая всем телом кусты, неизвестный покатился на дно оврага.

Петрович, наблюдая его спуск, аж крякнул с досады.

Костыль сломался, и толку от него теперь было мало.

Приподнявшись, красноармеец уже хотел было окликнуть упавшего, как кусты зашевелились вновь, и на край обрыва ступил немецкий солдат. За ним второй, третий... Четвертый немец держал на поводке собаку.

Человек в комбинезоне замер, прижавшись к земле. В его руке откуда-то появился пистолет.

Негромко переговариваясь, солдаты осматривали овраг, не подходя, впрочем, близко к краю.

Сбоку от Петровича раздался щелчок сбрасываемого предохранителя. Повернув на звук голову, красноармеец увидел винтовочный ствол, торчащий из-под пня.

– Митяй, черт неумный! Тихо сиди! – свистяще прошептал Петрович.

– Дак...

– Ухи оборву!

Собака заскулила и потянула своего хозяина вперед. Тот покачнулся и сделал несколько шагов по склону.

Сухо треснул выстрел.

И отчаянный собачий визг встряхнул лес.

Пес крутился на склоне волчком.

Еще выстрел!

Споткнулся и выронил винтовку проводник служебной собаки.

Остальные солдаты мгновенно попадали на землю, и нестройный залп ударил по кустам.

– Мать вашу! – гаркнул Митяй, и гулкий винтовочный выстрел смахнул со склона одного из солдат. Вторым выстрелом он добил собаку.

Обнаружив нового противника, часть солдат перенесла огонь на него. Несколько пуль ударили по пню.

Безрезультатно, стрелок был надежно укрыт.

Матерясь сквозь зубы, Петрович полз по узкой ложбинке к оврагу. Был небольшой шанс пройти здесь тихо, со стороны фрицев этот путь не просматривался.

Вот и дно оврага...

А где же стрелок?

Справа зашуршала трава, и солдат перекатился на бок, выставив перед собой винтовку. Из-за камней показался человек в комбинезоне. В левой руке он сжимал пистолет. А в правой был зажат нож. Вот он вонзил его в землю и подтянулся на нем вперед.

– Эй, товарищ! – окликнул его солдат, на всякий случай прячась за камень.

– Кто тут?

– Боец Пименов. А ты кто будешь?

– Свои... Парашютист я, к вам на связь шел.

– Один?

– Нет, нас много было. Только я один иду, так командир приказал.

– А хромаешь пошто?

– Фриц меня подстрелил... чуток только мазанул, а то бы всё – амба!

– Ладно, чё тут попусту базлать? Ползти можешь?

– Ушибся я... но ползти могу пока.

– Вон туда давай, по следам моим, видишь?

– Вижу...

Пропустив его, боец еще раз осмотрелся и, пятясь, начал отползать назад.

Однако же везение на этом и закончилось.

По-видимому, наверху отыскался кто-то сообразительный, или немцы спохватились, не обнаружив преследуемого на месте.

Прозвучала команда, и над краем оврага приподнялось около десятка голов сразу. Дружный залп заставил Митяя притихнуть.

Еще команда, и несколько солдат, балансируя на неровностях почвы, стали спускаться. Со стороны, куда уполз раненый, снова грохнул выстрел, и еще один солдат покатился на дно оврага.

Чертыхнувшись, Петрович выхвалил гранату и, сорвав кольцо, запустил ее в сторону приближающихся солдат. Не дожидаясь разрыва, вскочил на ноги. Небольшой бугор на дне

надежно прикрывал его от осколков. А вот немцам так не повезло... Ни лечь, ни присесть на крутом склоне было невозможно...

– Ф-ф-у... здоров ты, родной... – боец, разжав руки, опустился на траву. – Передохнем чуток, я уж запарился тебя тащить...

– А немцы? Не догонят они нас тут?

– Выстрелы слышишь? Это они еще Митяя гоняют. Он, хоть и молодой, да из ранних. Просто так не задавят. Да и раненые у них есть, куда с ними бегать-то? Опять же – лес, не любит его фриц. Нет, сюда они не пойдут. Еще у оврага, да, могли. А так глубоко они не заходят.

– Ну... тогда другое дело... – раненый перевел дух. Достал из пистолета обойму и, вытащив из кармана горсть патронов, стал ее снаряжать. – А то у меня и патрон-то всего один оставался.

– Как нога твоя?

– Сквозное, пуля навывлет прошла.

– Дай гляну... – Петрович присел на корточки и задрал штанину солдату комбинезона. – Да-а-а... счастлив твой бог, паря... на палец вбок – и нет ноги.

– Повезло... немец издали стрелял. А я как раз вперед шагнул, вот он и не рассчитал. Дальше-то я уже ползком двигался, вот он и не видел меня сквозь кусты.

– Снайпер, что ли?

– Да черт его знает! Только стрелял он издали, я и выстрел-то не сразу услышал.

– Есть тут у них такие ухари, – кивнул боец. – Многим нашим уже от них перепало. Ну, да и мы тоже... в долгу не остались.

Достав из вещмешка индпакет, он сноровисто перевязал раненому ногу.

– Ну вот... так уже лучше будет. Погоди, до своих дойдем, там тебя доктор попользует.

– У вас есть врач?

– Есть. И даже медсестры с ним. Так что не парься, все в лучшем виде будет.

– Далеко еще идти-то?

– Неблизко.

– Так... не дойду я сам...

– И не надо. Тут уже скоро наши подойдут, на выстрелы. Вот и донесем тебя со всем бережением.

– Хорошо...

– Звать тебя как? А то не по-людски как-то выходит?

– Лемешев я. Сержант Виктор Лемешев...

Глава 2

Сегодня утром меня отыскал посыльный от нашего особиста.

Хворостинин возжелал меня лицезреть, причем немедленно. Когда прокурор говорит: «Садитесь»... делать нечего.

Против ожидания, особист выглядел вполне мирно, раздражения в его лице и словах никакого не было. Чем тогда вызвана такая спешка?

– Присаживайтесь, Котов. Чаю хотите?

Опаньки, вот это сюрприз! Может быть, еще и водки предложит?

– Не откажусь, товарищ старший лейтенант.

Он извлек из-под стола еще горячий чайник и щедро плеснул мне в жестяную кружку. Пододвинул тарелку с наколотым сахаром. Себе тоже плеснул с полкружки и убрал чайник назад.

– Есть у меня к вам несколько вопросов...

– Так спрашивайте, товарищ старший лейтенант. Что знаю – скажу.

– У нас тут с командиром некоторые разногласия возникли...

– Так это ж с командиром. Я-то здесь с какого боку прислонился?

– С того самого, Котов, с того самого... Капитан считает, что вас на взвод поставить можно. Боец вы опытный, воюете хорошо, товарищи вас уважают. Опять же – склад нашли...

– Ну, его на моем месте и любой бы другой отыскал...

– И при этом не подорвался бы? Не преувеличивайте, не надо. Вы же прекрасно понимаете, что именно я имею в виду.

– Э-э-э... если честно, товарищ старший лейтенант, то не совсем...

– Ладно. К этому мы еще вернемся. Так вот, Котов, мое мнение от мнения капитана отличается. И очень сильно. Я считаю, что взвод – это несколько не то, к чему вы стремитесь.

– Так я, товарищ старший лейтенант, к одному стремлюсь – к своим выйти!

– Вот как? А тут тогда кто?

– Я имею в виду, чтобы всем нам туда выйти.

– Это, Котов, тоже по-разному произойти может...

– Не понимаю вас, товарищ старший лейтенант.

– Вас хочет видеть наш начальник.

– Товарищ капитан? Так я с утра с ним здоровался...

– Нет. У меня есть свое руководство, и вот оно-то очень бы хотело с вами побеседовать...

Ага... Значит, лейтенант этот не просто так на нашу тренировку смотреть приходил? И что ж он там такого интересного углядел? Ну, так или иначе, а во встрече этой может оказаться больше плюсов, чем минусов. Интересно, а особист от меня какой реакции ждет?

– Раз надо – значит, надо, товарищ старший лейтенант. Куда идти?

– Тут рядом...

Он встает и выходит из землянки.

Я следую за ним. На поляне уже ждет мотоцикл, один из трофейных. За рулем сидит незнакомый мне боец. На коляске закреплен пулемет – наш ДП.

– Заводи, Харченко, – говорит ему старший лейтенант, усаживаясь в коляску.

Боец кивает головой и с полпинка заводит двигатель. Сажусь к нему за спину, закидывая винтовку за плечо.

– Трогаем, товарищ старший лейтенант? – спрашивает водитель.

– Поехали.

Мотоцикл выбрасывает из выхлопной трубы облако сизого дыма и шустро срывается с места.

Микуем пост на выезде из лагеря и по тропке двигаемся дальше. Интересно, я в эту сторону не ходил, все наши подвиги происходили в других местах. Надо полагать, едем к монастырю? Или еще куда-то, но в том же направлении.

Еще один пост – трое бойцов с ручником. Вообще, надо сказать, охрана лагеря за последнее время улучшилась. Сытые и вооруженные люди понемногу становятся воинской частью. Когда над головой не висит дамоклов меч голода, когда в руках оружие – уже иначе воспринимаешь окружающую действительность. Вот и на посты теперь уходит гораздо больше народу, чем я это видел раньше. Надо полагать, что и выдвигают их теперь подальше от лагеря. Забегали и наши связисты, их тут целый взвод. Тянут провода, налаживают связь. Странно, что на складе так и не нашлось ни одной радиостанции. Я думал об этом, и кое-какие мысли у меня уже на этот счет были. Но кому про это рассказать? И так уже слишком необычный боец привлек к себе столько внимания. Лишний раз высовываться... на фиг...

Тропинка становится шире, и вскоре мы выезжаем на проселочную дорогу. Проселочную?

Ну-ну...

А зачем на ней тогда откосы укреплять? Да еще и бетонировать?

Их присыпали землей и обложили дерном, но слишком правильные очертания все равно заметны. Вот, значит, что кололо мне глаза еще в нашем времени! Тогда земля уже окончательно оплыла, но все равно дорога эта очень уж выделялась среди прочих направлений в данной местности. И ям на ней было меньше, да и луж. Теперь понятно, отчего. Вдоль дороги местами прорыты ливневые канавы, и вода попросту стекает в сторону. Что или кого собирались тут возить? Ох, чует мое сердце, что это «жу-жу» неспроста...

Скрипнув тормозами, эмка остановилась у невысокого забора. Здесь, на московской окраине, казалось, будто время замерло. И только агитационные плакаты на заборе напоминали о войне. Пассажиры вышли из автомашины и направились к двери проходной.

– Товарищ генерал-лейтенант? Товарищ Рогов? – невысокий человек в военной форме, но без знаков различия, ждал сразу за КПП. – Будьте добры проследовать за мной, товарищ Крылов вас уже ожидает.

Рогов повел головой, будто ворот мундира мешал ему дышать. Повернулся к сопровождавшему его полковнику.

– Пойдем, Игорь Николаевич, нас уже ждут.

Они прошли по улице несколько десятков метров, завернули за угол, и провожатый открыл небольшую дверь в стене.

– Второй этаж, товарищ генерал-лейтенант. Вас встретят.

Сам он в здание не вошел, остался на улице.

В коридоре второго этажа было тихо и безлюдно, только у небольшого столика сидел старший лейтенант с петлицами войск связи. Увидев вошедших, встал, одернул гимнастерку и, прищелкнув каблуками начищенных сапог, отдал честь.

– Будьте любезны, ваши документы.

Генерал-лейтенант с полковником протянули удостоверения. Старший лейтенант открыл лежащую на столике книгу и внимательно сверил документы с записями в ней.

– Спасибо! Вам по коридору, третья дверь направо.

– Что это тут такое находится? – спросил Рогов у полковника, пока они шли по коридору. – Я этих мест не знаю, не приходилось сюда заезжать.

– Тут рядом КОСАРТОП был, Павел Петрович.

– Кто?

– Скорее что, товарищ генерал-лейтенант. Комиссия по особым артиллерийским опытам, пушки разрабатывали. Но про это место и я не слышал никогда. Тут всегда склады были, службы какие-то тыловые.

Подойдя к указанной двери, генерал постучал.

– Войдите!

Комната за дверью была не очень большой, но как-то по-домашнему уютной. Прямо напротив входа стоял крепкий массивный стол. Перед ним было расставлено несколько стульев. А вот слева от входа находился большой кожаный диван. Перед ним низкий столик, на котором располагались чашки и пузатый чайник. Совершенным анахронизмом выглядели вычурные фарфоровые вазочки с вареньем.

Из-за стола встал навстречу вошедшим невысокий лысоватый человек. Он тоже был одет в военную форму и тоже без знаков различия.

– Товарищ Крылов! Генерал-лейтенант Рогов прибыл по вашему указанию!

– Да вы присаживайтесь, товарищ генерал-лейтенант. А спутник ваш? Простите, не знаю, как вас по имени-отчеству звать-величать.

– Полковник Гордеев, Игорь Николаевич.

– Очень приятно, товарищ полковник. Да вы все присаживайтесь, хоть на диван, да... Там и поудобнее. Разговор-то у нас с вами долгий предстоит...

Гости устроились на диване, а хозяин кабинета, подтащив себе стул, сел напротив.

– Вы чаю себе наливайте, сыро ведь на улице и холодно. А так и согреетесь. Варенье вот, берите – из дому принес. Жена делала, она у меня, знаете ли, мастерица в этом деле.

Пару минут в кабинете стояла тишина, лишь изредка прерываемая позвякиванием ложек. Гордеев осторожно разглядывал сидящего напротив человека. Лет пятьдесят, крепкий, но некоторая рыхлость уже просматривается. Стало быть – кабинетный работник. Но явно был таковым не всегда. Перекладыванием карандашей такую мускулатуру не заработать. Лицо чуть бледное – мало бывает на солнце? Даже чай у него – и то непривычный. Точно что не грузинский, но чей? При ходьбе чуть приволакивает ногу – ранение? А вот внешность совсем неприметная, такого в толпе увидишь – и через пару минут уже и не вспомнишь. Подчеркнуто радушен, но чувствуется что-то такое... К нему чай не участковый на огонек завернул. Генерал-лейтенант, да еще из армейской разведки – это фигура! Не всякий вот так, по-простецки, разговаривать рискнет. А Рогов-то напряжен. Тронь – заискрит! Видать, знает что-то про нашего собеседника. И знание это его нервирует. Да неслабо...

– Ну, как вам чаек? – хозяин кабинета поставил чашку на столик.

– Непривычный какой-то... – ответил Гордеев, покосившись на генерала. Тот молчал, и полковник рискнул повести разговор от его лица тоже. – Я такого раньше и не пробовал.

– Да, чай непривычный. Это не наш, китайский. Они в этом деле знатоки, надо вам сказать. Хотите – заверну вам с собою немного?

«С собою» – сразу отметил полковник. Значит, оставлять здесь нас никто не собирается. Уже веселее...

Судя по изменившемуся лицу Рогова, тот тоже это заметил.

– Не откажусь, – вежливо кивнул головою полковник. – Он освежает как-то, да и в голове чуток просветлело.

– Заметили? – оживился их собеседник. – Да, у китайских чаев такое свойство есть. Эх, нам бы всем такое просветление. Да почаще.

Он покивал и без всякого перехода сказал уже совсем другим тоном.

– Итак, товарищи, я вас внимательно слушаю.

Рогов прокашлялся.

– Мне, товарищ Крылов, с самого начала все рассказать?

- Нет. Я в целом в курсе событий. Меня интересуют только некоторые подробности.
- Вот, товарищ Гордеев полностью владеет материалом по делу, включая самые незначительные детали.
- Вот как?
- Да, товарищ Крылов.
- Замечательно! Тогда у меня к вам будет пока один вопрос. Расскажите-ка мне, что вы знаете о местонахождении майора Осадчего? Чем таким интересно это место?

Тарахтя мотором, мотоцикл взбирался на подъем. Дорога в этом месте делала поворот, так что ехать с прежней скоростью было чревато неизбежным вылетом в кювет. Харченко притормозил, переключил передачу, газанул, и мы бодро вкатились на пригорок.

Отсюда я уже мог видеть монастырь.

И – странное дело! Его купола на фоне неба снова показались мне черными. Вот, значит, куда мы едем... все-таки это монастырь... Понятно, почему капитан нас сюда не направлял.

Водитель выжал сцепление, и мотоцикл шустро покатился под горку.

- Генрих! Ты хорошо их видишь?
- Хорошо!
- Твой водитель. Хофман!
- Я, герр гауптман!
- Аккуратно зацепи того, что сидит в коляске. Судя по всему, это офицер, он-то нам и нужен. Мне не хотелось бы, чтобы он скакал тут молодым козликом.
- Сделаю, герр гауптман.
- Когда он спустится вниз – стреляйте.
- Яволь!

По кустам прошло почти незаметное движение, защелкали затворы, и все снова стихло.

Глава 3

– Товарищ старший лейтенант!

– Да, Котов.

– Мы сейчас в монастырь едем?

– Да, а в чем дело?

– Да бойцы говорят – нечисто там...

– Стыдитесь, Котов! Что значит – нечисто? Это все поповские сказки!

– Так ведь и они не на пустом месте появляются...

Хворостинин фыркает и поворачивается ко мне, чтобы ответить.

Бах!

Мощный удар выносит меня из седла.

Это водитель, откинувшись назад всем телом, сносит меня на землю. Трескаюсь задницей о дорогу и чисто автоматически выполняю перекат в сторону и назад. Сваливаюсь в канаву и поднимаю голову над ее краем.

Вижу, как мотоцикл виляет в сторону, и из коляски вываливается на дорогу Хворостинин. Еще грохочут выстрелы, и мотоцикл, налетев на кочку, опрокидывается. Водитель свалился на дорогу еще раньше, и я вижу, что он лежит навзничь и по его груди расплзается кровавое пятно.

Из кустов напротив вдруг совершенно бесшумно встает цепь немецких солдат. Сколько их тут? Я вижу около десятка, но это еще ничего не значит – их может быть гораздо больше.

Еле слышная команда – и солдаты слитно шагнули вперед. Ни один из них не споткнулся, не запнулся об корень, такое впечатление, что они идут по ровному месту. По спине пробежал холодок – вспомнились ребятишки гауптмана Борга. Здесь выучка похожая, только эти еще и тихушники – будь здоров. Правда, и те парни были далеко не подарки... Плохо, что здесь у меня нет второго фронта в лице Котенка. Но я еще и не стою на улице, окруженный ими со всех сторон. Так что шансы есть, и шансы неплохие. Если только нет засады и на этой стороне дороги...

Винтовка?

Отпадает – сниму одного, прочие засыпят меня пулями так, что и головы не подниму.

Пистолеты?

Это теплее...

А вот гранаты – самое то.

Сдвигаю на живот противогазную сумку.

Гранат у меня шесть штук. Две РГД-33 и четыре лимонки. РГД – так вообще с рубашками, так что мало не покажется.

Высыпаю перед собой обе РГД и одну «феньку».

Немцы уже дошли до дороги и начали подниматься на нее. Вот и славно... тут место открытое...

Веером разбрасываю три гранаты перед собой. И как только грохает первый разрыв, кубарем ухожу в сторону.

Взгляд на дорогу.

М-м-да... не ошибся я относительно фрицев...

Они оказались битые да тертые.

Только первая граната легла более-менее удачно – удалось свалить сразу троих, причем одного, похоже, вчистую. После этого немцы моментально рассыпались в стороны, попадали кто куда, или просто легли на землю. Так что итогом взрыва двух других гранат было только двое раненых.

Хреново... такими темпами они меня быстро дождут.

Однако немцы пока не стреляли. Почему? Рассчитывают взять меня живым? Ну, это вы, ребята, вконец оборзели.

Вскидываю винтовку и простреливаю бедро особо резвому фрицу, который только что приподнялся над краем ямки. Бросить вы его здесь не можете, наши совсем недалеко, так что своих подстреленных придется вам на ручках выволакивать...

В-в-ж-ж!

А фрицы оказались обидчивые. Ветки вокруг меня так и посыпались.

Но вот позицию мою они еще не срисовали, лупят просто по кустам. Это что же – я им совсем не интересен живым? Похоже, что так...

Хворостинин!

Он же в фуражке был. Не в пилотке, как мы с водителем.

Им нужен язык и не рядовой солдат!

Ага... учтем...

После очередного выстрела на дорогу брякнулся еще один солдат, и мне пришлось уползать по-пластунски, волоча за собою винтовку. Голову было совсем не приподнять, фрицы словно взбеленились.

А где сейчас особист? Я его видел, когда он из коляски вылетел. Живой? Отчего вылетел тогда? Мотоцикл в сторону вильнул? Ну да, а он тогда ко мне повернулся. Могло его таким макарон из коляски вынести? Ну... вполне возможно... Где он сейчас?

Осторожно приподнимаю голову, как раз для того, чтобы увидеть с десятков фрицев, несущихся в моем направлении.

Да... эти парни времени даром не теряют...

Бросаю винтовку и выхватываю свои пистолеты...

Ду-ду-ду...

Совсем рядом гулко бьет пулемет.

Парочку фрицев скосило как косой, а остальные в темпе заныкались.

Второй фронт?

Сую пистолеты на место и, подхватив винтовку, пробираюсь в ту сторону.

Канавка заканчивается неожиданно. Дальше уже идет открытое место. Снова оживает пулемет, и я слышу, как где-то рядом звенят гильзы.

Кувырок!

Над головой злобно вжикает, но я уже в промоине. Она более глубокая, и двигаться по ней можно быстрее.

Поворачиваю за угол и буквально натыкаюсь на Хворостинина. Он полусидит на откосе. Перед ним на краю промоины лежит ручник.

Хм, а ведь он его как раз рукой и придерживал, когда со мною говорил. Так, значит, с ним в обнимку и вылетел?

– Котов?

– Я, товарищ старший лейтенант.

– Как ты?

– Жив...

– А вот меня зацепило... Патроны у тебя есть?

– К пулемету?

– Ну да. Тут уже почти пустой диск. А запасные в коляске остались, туда не подойти.

Патроны у меня были, правда, очень немного. Еще когда я потрошил трофейное барахло у ремонтников в палатке, чисто на автомате взял с собой одну пачку к трехлинейке. Перепутал с немецкими в темноте. Да и не подумал даже, откуда тут взяться нашим боеприпасам.

Обнаружил это только сегодня, когда уже собирался поутру. Думал отдать кому-то из ребят, да вызов к особисту спутал мне все карты.

Отдаю особисту винтовку, предварительно дозарядив магазин. Стаскиваю вниз пулемет и, достав патроны, набиваю диск.

– Не так много, товарищ старший лейтенант, но все же лучше, чем ничего.

– Мне хватит. Гранаты у тебя есть?

– Есть. «Феньки».

– Дай одну.

Вытаскиваю гранату и отдаю Хворостину.

– Вот что, Котов, они сейчас лесом обойдут, и всё. Подстрелят и спеленают нас, как младенцев.

– Ну, это еще бабушка надвое сказала...

– Нет, Котов, мне не уйти. В бок ранило, двигаться совсем не могу. Как сюда-то дополз – сам не понимаю. А их больше, всех мы не постреляем. Я знаю что говорю – это специальный отряд абвера, они тут давно вокруг нас ходят, ищут...

– Что?

– А ты и не знаешь?

– Ну...

– То-то... так что уходи, я их пока здесь подержу, сколько смогу.

– Куда же мне идти?

– В монастырь. Там, во дворе, маленький домик есть. Совсем старый, посыпался уже весь. Как войдешь, справа, под полом – телефон. Доску поднимешь, его и видно. Скажешь – «я пришел».

– И что? Постов там нет, что ли?

– Есть, как не быть. Только у часовых приказ – не вмешиваться. Только если кто-то знающий к телефону доберется. Тогда и им приказ будет соответствующий.

– Может быть, все-таки попробуем вместе?

Вместо ответа он поворачивается ко мне боком. Да-а-а... не ходок... вся правая сторона гимнастерки буквально пропитана кровью.

– Видел?

– Да...

– Тогда нечего тебе здесь сидеть!

Он морщится и вытаскивает из кобуры ТТ. Передергивает затвор и кладет пистолет перед собой.

– Ну... ни пуха, товарищ старший лейтенант!

– К черту!

Я уже поворачиваюсь к нему спиной, как вдруг он окликает меня.

– Котов!

– Я, товарищ старший лейтенант!

– Ты в каком звании? Хоть сейчас-то не ври, ладно?

– Подполковник. Управление В-2.

– Вот даже как? Не слышал про такое...

– Долго рассказывать.

– Да и ни к чему уже. Найдешь в монастыре майора Осадчего, скажи – он был прав.

– В чем?

– Он поймет.

Хворостинин прикладывается к пулемету и дает короткую очередь. Выскочившие было из кустов фрицы горохом сыплются в канаву. Попал он хоть в кого-нибудь? Отсюда не видно.

– Все, Котов! Уходи!

Хлопаю его по плечу и двигаю дальше по промоине. Пробежав еще метров десять, останавливаюсь. Здесь яме конец, дальше уже идет открытое пространство. Перебежать? Стремно... лучше ползком. Благо пожухшая уже трава тут еще достаточно густая.

Так... ползет-ползет-ползет... вернее, ползу. Вот уже и кустики рядом... ушел? Может, стоило все же и особиста с собою уволочь?

За моей спиной снова оживает пулемет. Дает короткую очередь и на этот раз удачно – кто-то заорал.

Под аккомпанемент выстрелов вламываюсь в кусты. Склон тут относительно пологий, и подъем дается мне достаточно легко. Может, стоит на дорогу глянуть? Из снайперки я еще могу устроить фрицам парочку неприятных ощущений. Но для этого надо залезть хотя бы на тот бугорок. Ладно, в отрыв я уже, можно сказать, ушел, так что могу и глянуть.

До бугорка всего с пару десятков метров, обзор оттуда должен быть неплохой. Заодно и дорогу просмотрю. Идти по ней я, естественно, не собираюсь, но общее представление иметь все-таки нужно.

– Стой! Руки вверх!

Опаньки... а это еще кто? Голос сзади, я никого не видел, когда подходил. Стало быть, клиент сидел и ждал, пока я пройду мимо и повернусь к нему спиной? Да, вполне вероятно.

Говорит по-русски, но это мало что значит. Если это свой, то отчего огнем не прикрыл?

Хотя... как там Хворостинин говорил? «Только у часовых приказ – не вмешиваться». В этом случае – тоже? Да ну, на фиг, не все ж там такие бараны. Да и старшего лейтенанта сегодня ждали в монастыре, так что уж часовых должны были бы предупредить. Это я для них персона непонятная, а уж его они точно не в первый раз видят. Да и какого рожна этот часовой засаду фрицевскую зевнул?

Нет.

Это не наш.

Медленно поднимаю руки.

– Оружие брось!левой рукой!

Снимаю снайперку и осторожно опускаю ее за ремень на землю. При этом ухитряюсь бросить взгляд назад.

Вот он...

Стоит метрах в пяти позади меня, я вижу только его сапоги. Немецкие, кстати говоря.

Интересно, он тут один такой резвый, или как?

– Ременьними!

Да не вопрос. Расстегиваю ремень. И осторожно опускаю его на землю.

– Три шага вперед! Руки за голову!

Делаю три шага и останавливаюсь.

Смотрю влево и вниз. На землю падают тени, и я по ним могу наблюдать перемещение немца. Могу. Если он с места сойдет. А он пока недвижим. Нет, тень дрогнула и шевельнулась. Шагнул-таки...

– Откуда у тебя эта винтовка?

Здрасьте, я ваша тетя! Это что – коллега снайпера?

– Что?

– Я спрашиваю – откуда ты взял это оружие.

А он нервный. Или злой. В принципе – и то и другое мне на руку.

– Там на прикладе есть табличка...

– Что?!

Тень сломалась – немец наклонился к оружию.

Судя по тому, что пока еще никто к нему на помощь не прискакал, немец тут один. Или второй находится достаточно далеко, чтобы быстро к нам подойти. Так или иначе, а тянуть больше нельзя.

Прыжок!

Уж чего-чего, а того, что я сделаю классическое солнышко, фриц точно не ожидал... так что на выходе я основательно припечатал его сапогом аккурат в подбородок. Лязгнув зубами, немец, уже начавший было поднимать оружие, улетает в сторону. Винтовку он не выпустил, но легче от этого ему не стало. Выхватив из-за сапога финку (подаренную мне недавно Плиевым), прыгаю следом за улетевшим фрицем.

Раз!

И вилы...

А неча болтать, родной...

Прыжок назад, подхватываю ремень. Быстро его застегиваю, подбираю свое оружие и возвращаюсь к немцу.

Снайпер, даже и винтовка у него похожая. А кстати говоря...

У немца обнаруживается такой же пистолет, как и у заземленного мною раньше его коллеги. Стандартная экипировка, надо полагать?

А патроны к нему есть?

Обшариваю карманы. Две запасные обоймы и еще две пачки в сумке на боку. Там еще и к винтовке патроны есть и еще какая-то мелочевка. Наплевать, после разберусь. Надеваю сумку через плечо. А вот гранат у него нет...

На дороге снова оживает пулемет. Хватаю трофейную винтовку и подскакиваю к краю холма.

Хворостинина я отсюда не вижу, его закрывают деревья. Но вот бегущих немцев различаю хорошо. Вскидываю винтовку и выпускаю все патроны по фрицам. Зацепить удалось только одного, зато все прочие тут же залегли и из моего поля зрения исчезли. Так что оставшиеся патроны я потратил на то, чтобы максимально прижать их к земле и не давать им вставать как можно дольше.

– Уходи, Котов! Уходи!

Это кричит особист.

Его пулемет снова оживает, надо полагать, солдаты подходят к нему еще и с другой стороны. А я их отсюда не вижу...

Всё!

Замолк пулемет...

Часто-часто захлопали пистолетные выстрелы, значит, они подошли уже совсем близко.

Черт!

Уже поздно что-нибудь делать. Даже и с хорошей позиции я не смогу отогнать от него всех фрицев. Да и здесь они тоже могут быть.

Словно подтверждая мои мысли, неподалеку от меня бабахают выстрелы – кто-то стреляет вниз. Выдергиваю из сумки ребристую гранату и запускаю ее на звук стрельбы.

Бух!

Кто-то стонет в кустах.

Бух!

А вот это уже снизу...

Словно обрезанная ножом, стихает стрельба.

Амба!

Один я остался...

Ну, раз так, то и мне тут делать больше нечего. Разношу в щепки о ближайший пенек трофейную снайперку. Две винтовки мне ни к чему. По здравом размышлении прихожу к выводу,

что у заместителя начальника школы винтовка будет все же получше, чем у рядового снайпера. Поэтому оставляю себе именно ее. Прикинув направление, топаю в лес.

Глава 4

Немцы однако попались упрямые. Погоню я обнаружил уже через пятьсот метров. Две группы фрицев обрезали меня по бокам, так что уйти куда-нибудь в сторону становилось проблематичным. Ну, а с другой стороны, мне никуда уходить и не надо. Вот он – монастырь!

Так-то оно так, да вот войти в него теперь... надо как-то особенно вывернуться. Стены у этого строения еще крепкие и высокие, да и дырок в них я не видел. А стало быть, надо идти, как все нормальные люди – через ворота.

Я, в принципе, против этого и не возражал, но вот имея на затылке невесть сколько разозленных фрицев, лезть наобум в ворота... там и похоронят...

Срезать путь и уйти в лес?

Свистнувшая над головой пуля недвусмысленно наметнула на бесперспективность такой попытки. Фигово... Правая группа фрицев резко увеличила темп и всюю устремилась попасть к воротам раньше меня.

А до монастыря осталось не так уж и далеко...

Уже можно было рассмотреть потемневшие стены, трещины в их кладке. Даже проросшие в этих трещинах кустики различались во всех подробностях.

Вот и стены. Камнем я до них, естественно, не доброшу, а вот из пистолета попасть могу уже запросто.

Приглядываю маленькую ямку и ныкаюсь в нее. Вы не хотите меня пускать внутрь? Так и хрен бы с вами... идите туда сами. А меня еще отыскать надобно.

Чуть приподняв голову над землей, вижу, как солдаты, прижимаясь к стенам, осторожно двигаются в сторону ворот. Сколько же их?

Я вижу четверых. Да еще и за моей спиной может быть не меньше. А что же они, кстати говоря, притихли?

Пытаюсь посмотреть на происходящее глазами фрицев.

В монастыре они были, это уж точно. Ничего там не нашли и даже не заподозрили. А засада тогда зачем?

Значит, подозрения все-таки остались.

Что могут знать немцы?

И где в этих стенах можно прятаться?

Подвалы?

Первое, что приходит на ум.

И первое же, что оттуда уходит.

Вот уж их-то они обязаны были проверить со всей возможной тщательностью. А зная немецкую дотошность в подобных вопросах, можно было сразу ставить крест на этих местах. Наверняка они и сейчас будут первым делом отрезать мне туда все пути. Тем более что фрицы эти подвалы знают, или хотя бы предполагают, где там и что, а я про это даже и не догадываюсь. Сунуть куда-нибудь в тупик – и все, спекся. Пара гранат, и меня оттуда вытащат тепленького.

А почему тогда меня не ищут у стен?

Есть еще проходы внутрь?

Помимо ворот?

Прикинем...

Они знают нашу цель – монастырь. Знают, надо полагать, из собственных наблюдений, что люди сюда приходят и где-то скрываются. И наверняка этих людей немного, иначе бы фрицы вели себя более осторожно.

А что говорил Хворостинин? «...у постов приказ...». У постов. То есть тут не один часовой, и они могут видеть многое? Посты не уходят и не прячутся? Стало быть, уверены в том, что их никто не отыщет.

Момент!

А в монастыре ли все эти фокусы? Телефон – да, он в монастыре. А вот где сидит таинственный абонент?

Резюме.

Немцы хотят пропасти меня до входа... куда? Черт его знает, но, видимо, они считают, что я это знаю.

И какой из этого вывод?

Будут ли они стрелять?

Если буду уходить в лес – будут, и даже наверняка.

А если я пойду в монастырь?

Нагло?

Это как сказать... С точки зрения фрицев, я именно так и должен поступить. Те немцы, что уже туда забрались, прятались не от мифических часовых, а от меня. Оттого и жались так к стенам. Значит, валить на входе меня не будут...

Так?

Ну да, толку-то им с покойника? На дороге двое уже лежат. А судя по тому, что офицер остался прикрывать уходящего, он-то и есть основная шишка.

Последние метров сто я фактически полз по кустам. Это фрицы неслись как оглашенные, им-то здесь бояться некого. Во всяком случае – сейчас. Вот и опередили они меня. Теперь у них есть повод для веселья. Меня они точно не видели, на открытое место я благоразумно не высовывался, достаточно с меня было и одной, пусть и пролетевшей мимо, пули. Но именно благодаря этому фрицы и уверены до сих пор, что я сижу где-то в этих кустах. Ведь для того чтобы уйти в лес, я должен был как-то пересечь не менее пятидесяти метров относительно открытой местности. Что направо, что налево – одинаково. Назад идти некуда, а впереди стоит монастырская стена.

Рассматриваю в оптику вход. Когда-то здесь были ворота. Теперь от них остались только петли в стенах. Самих створок давно уже нет. Насколько я могу видеть двор, он пуст, и никаких следов присутствия людей не заметно.

Оптику я забрал у последнего снайпера. Хороший бинокль, цейсовский, видимость отличная. Но даже и в него я не могу разглядеть засадников.

Ладно, их четверо. Во всяком случае, столько их прокралось туда на моих глазах.

Ну, что, сыграем по фрицевским нотам?

Пара минут уходит у меня на подготовку. Все, теперь можно идти...

– Герр гауптман!

– В чем дело, Вилли?

– Смотрите! Там, около ворот.

– Где?

– Чуть правее большого камня.

– Ага... вижу... Вилли, общая команда – не стрелять! Этот русский нужен мне живым.

Вот и ворота.

Ветерок чуть заметно покачивает кусты, которые здесь почти примыкают к стене. А стеночки тут основательные, чуть не по метру толщиной. Может, даже и больше. Во всяком случае, в проеме ворот стена очень солидная. В ее основание вмурованы здоровенные валуны. Как их только сюда затаскивали? И брали откуда?

Закидываю за спину винтовку и приподнимаюсь.

Нырок в траву!

Если за мной сейчас смотрит их снайпер, то шанс спровоцировать его на выстрел – почти идеальный.

Нет.

Нету снайпера.

Или он гораздо более умный и опытный, нежели я ожидал...

Вот я уже в проеме ворот. Это не крепостная стена, как в более серьезных монастырях. Он и сам-то не очень большой, хотя и основательно сложенный. Крепостных башен у него нет, разве что считать таковыми небольшие башенки по углам ограды. Сам монастырь имеет форму неправильного четырехугольника. С двух сторон он омывается небольшой речкой, скорее даже – большим ручьем. Еще в первый мой визит сюда, в далеком теперь будущем, мы облазили монастырь достаточно тщательно. Кстати говоря, никаких подвалов тут почти и нет. Вернее – не было тогда. Все найденные нами входы были засыпаны и завалены настолько основательно, что на их раскопки ушла бы просто уйма времени. Стены тут тоже разные. Где-то основательные и толстые – почти в три метра, а где-то и потоньше, как, например, у входа.

Марченков пояснил нам тогда, что монастырь, скорее всего, перестраивали, расширяя его площадь. И в ходе этого часть старых стен снесли, чтобы освободить место для новых строений. Уцелели только стены вдоль речки – там уже ничего построить было нельзя.

Собственно строений тут немного. Центральный храм, еще две часовни. Большой дом – надо полагать, в нем жили монахи. Несколько домиков поменьше – одно- и двухэтажные.

Имелся тут еще большой погреб – в наше время обвалившийся и засыпанный. Сейчас он, судя по внешнему виду, цел, во всяком случае, козырек его не обвален и возвышается над землей. Немцев нигде видно, и предположить, куда же они попрыгались, я не мог.

Увидев сбоку здоровенный кусок обвалившейся стены, прыгаю туда и прячусь. Сзади меня прикрывает стена, сбоку полуразрушенный домик, справа проем ворот, который я достаточно хорошо просматриваю. А спереди тот самый кусок стены. Кстати... а откололся-то он откуда? Стена целая и следов выпадения глыб, да еще таких, я не вижу. А кусочек неслабый. Его что – специально сюда откуда-то притащили? За каким рожном? Разве что... Прикидываю на глаз... А ведь точно. Пока эта глыба тут лежит, в ворота можно входить только пешком – никакая техника не проедет.

Ну, да мне в данный момент это все равно, у немцев техники сейчас нет, а пешком они сюда уже вошли.

Где может быть нужный мне домик?

Полуразвалившийся...

Один такой около ворот, от него осталось только две стены, у одной из них я сейчас и сижу. Уцелели ли там доски в полу?

Смещаюсь вдоль стены и заглядываю внутрь. Какой уж тут пол! Даже и балок не осталось. Этот домик отпадает.

Где второй?

Вот он – метрах в пятидесяти от ворот. И идти к нему придется по открытой местности. Так что подстрелят меня, совершенно не запариваясь, больших дистанций тут нет.

Что придумать?

Да и нельзя прямо к дому идти, фрицы далеко не лопухи, просекут, что я именно там что-то ищу.

Значит, к дому не пойдем. Во всяком случае – сразу не пойдем. А направлюсь я... в длинный дом – монашескую общагу. Так и со стороны логичнее выглядеть будет. Дом большой, есть где спрятаться.

Готов?

Раз, два... пошел!

Глава 5

Пулей проскакиваю пару десятков метров, отделяющих меня от козырька погребка. Приваливаюсь к нему и осматриваюсь.

Стрелять по мне можно теперь только со стены или из небольшой башни. Но залезть туда так быстро немцы просто не успели бы. Значит, туда не смотрим. Поворачиваюсь в другую сторону и прикидываю дальнейший путь.

Так... вон до той часовни, от нее до общаги уже метров двадцать – можно будет одним рывком проскочить. Ага, если дадут.

Но где же немцы? Не могут же они запустить меня в дом? Он большой, искать там одного человека – опухнуть можно.

Должны они где-то рядом быть, я же просто нюхом их чую.

По спине пробежал холодок...

Такое ощущение, что чьи-то недобрые глаза смотрят на меня через прицел. Очень знакомое, надо сказать...

И сидит этот кто-то позади меня...

Не делая резких движений, осторожно смотрю через плечо.

Никого... Показалось мне, или на башне действительно что-то блеснуло?

Там снайпер?

Откуда? Ни у кого из четверых фрицев я снайперской винтовки не видел.

Сидит тут заранее?

Ага... так его часовые и пропустили бы...

А этих же фрицев пропустили?

М-м-да... положеньице... оттуда я как на ладони.

Однако не стреляет же? Почему? Это часовой? Возможно...

Ладно, хрен с ним, и поважнее задачи есть.

Ну, сидит, смотрит – ведь не мешает же? Так что – пускай глядит.

Я уже приготовился к рывку, привстал...

Лязг металла!

Совсем рядом!

Где это?

Да под козырьком, где ж еще?

То есть фриц (а это, скорее всего, именно он) прячется у входа в погреб? В полуметре от меня? И стоит мне сделать хотя бы пару шагов...

Тогда и остальные где-то рядом.

Снимаю со спины винтовку и присобачиваю к ней еще один ремень. Скидываю вещмешок и надеваю винтовку назад. Подтягиваю ремни – теперь она висит у меня почти между лопатками. Наброшенный назад вещмешок прижимает ее еще плотнее. Со стороны я, наверное, кажусь круглым идиотом – лишаю себя возможности быстро использовать свое оружие. Но есть еще и пистолет в кобуре. Ее я и расстегиваю, демонстративно проверив пистолет, убираю его назад, застегиваю клапан и сдвигаю кобуру на бок. Так, чтобы бегать не мешала.

Что может видеть посторонний наблюдатель? То, что я приготовился быстро бегать и воевать на короткой дистанции. Оттого и убрал оружие для боя на больших расстояниях. Логично?

Даже очень.

Значит, основной их задачей теперь будет не допустить, чтобы я расстегнул кобуру и достал пистолет.

Убедительно?

По-моему, вполне.

Присев, берусь руками за скобу, вбитую в край козырька, и осторожно приподнимаю голову над ним.

Сидеть тут долго нельзя, немцы в лесу тоже не лохи, и, наверное, уже подтягиваются к воротам.

Прыжок!

Только не вперед – на площадь.

Руки-то я так и не отпустил...

Описав в воздухе полудугу, влетаю... под козырек, куда ж еще? Законов физики никто ведь не отменял?

Отпускаю руки и группируюсь по возможности компактнее...

Блямс!

Аж искры из глаз...

Лязгает об пол винтовочный приклад, меня слегка заносит вбок.

Но не зарыться мордой в пол все же удалось... хоть и не сразу – пару метров по ступенькам я прокатился. Прямо на заднице, что далеко не айс. Зато и вышел, как предполагал – на корточках.

Разворачиваюсь назад.

На ступеньках, прижавшись к стенам, примостились двое фрицев.

В полуприседе, смотрят на улицу.

А вот теперь, ребятки, положение меняется. Мы все туда смотрим. Только я нахожусь поглубже вас и смотрю оттуда. И вертеть головами вам уже поздно, да и без толку. Со света в темноту... много ли теперь разглядишь? А вот вы у меня великолепно прорисовываетесь на фоне входного проема.

Еще прыжок!

И финка в правой руке входит чуток повыше поясницы одного из солдат.

Поворот на левой ноге!

Лязгает зубами второй фриц – мой правый сапог с размаху долбит его в подбородок.

Бзынь!

Каска ощутимо впечатывается в стену.

Выдергиваю из ножен штык-нож и загоняю его немцу под ребро.

Минус два...

Локти я себе все же ободрал, кранты гимнастерке...

Плюхаюсь на пол, мало ли... вдруг кто из оставшихся фрицев саданет в проем двери из всего, что у него есть? А что? Вполне вероятное действие с их стороны.

Подтягиваю к себе лежащий сбоку автомат. МП-40, очень даже кстати подойдет.

Тихо...

Фрицы никак не реагируют на мой выкрутас. Не видели?

Молчит и стрелок на башне. Ну, его-то я понять как раз могу. Пробить из винтовки свод погреба – задача невыполнимая даже теоретически.

Так что же – мне опять вылезать на улицу? Сразу зачесалось под левой лопаткой, словно туда уже устался неведомый снайпер. А отчего он, кстати говоря, сразу не стрелял?

Если это наш, то без приказа огонь открывать не станет, тут все понятно.

А если это фриц? Тогда он видел, как его товарищи влезли в погреб. И когда оттуда выйду я один...

Спина зачесалась еще сильнее.

Но сидеть тут долго – вообще не вариант. Выходить надо в любом случае.

Ладно... обшариваю фрица и забираю два подсумка с магазинами для автомата. Опять я похож на ходячий арсенал. Но сейчас автомат может мне очень даже пригодиться. Так что – не переломлюсь. Мне марафонскую дистанцию не бежать.

Рывок!

Сразу заболела левая нога – я слишком сильно оттолкнулся при прыжке. Но нужного эффекта все-таки достиг.

Запоздало протарахтел автомат в окне дома напротив – там когда-то была трапезная. Вот, значит, где третий фриц сидит...

Пули очень кстати взбили фонтанчики чуть правее направления моего движения, так что последовавший за этим отскок влево выглядел вполне логичным и обоснованным. Ну, не пускают меня в общагу. Так я в сторону сверну.

Аккурат к нужному домику...

Задев плечом за край дверного проема, вваливаюсь внутрь. Ствол автомата тут же ощущает все возможные места укрытия недругов.

Нет никого?

Вот и славно.

А на улице?

И тут пусто.

Так, где доска? Та самая, под которой телефон?

Да их тут до фига! Весь пол из досок. Хотя домик снаружи выглядит полной развалюхой, пол тут на удивление целый.

Топот ног!

Выглядываю в проем и вижу бегущего к дому фрица. В руке он держит гранату.

Мой автомат дважды дергается.

Держал...

Где доска?!

Да вот она – под самым носом. Короткая, словно закрывали ею пролом в полу.

Падаю на колени и тяну ее на себя.

Фигушки...

Толкаю от себя.

То же самое.

А вбок?

Куда – вбок? Справа стена, туда не толкнуть.

А если...

Нажимаю на доску у самой стены, и она, скрипнув, поворачивается на оси. В обшитом досками углублении стоит обычный полевой телефон. Сверху он накрыт какой-то тряпкой. Надо понимать, чтобы грязь не попадала.

Хватаю трубку и кручу ручку телефона.

Проходит несколько секунд... и ничего.

Ку-ку...

Вот это называется – попал...

Снова топот, на этот раз бегут уже несколько человек. Бросаю трубку и перекатываюсь к двери.

Вовремя!

Из-за угла общаги вылетают сразу несколько солдат. Первый из них налетает на мою очередь и навзничь опрокидывается на землю. За ним следом падает второй. Остальные резко меняют направление движения. Кто-то несется к погребу, кто-то поворачивает назад. Разумно... стрелять одновременно по всем я не могу. Так что мне удастся подстрелить, да и

то не до смерти, только еще одного солдата. Как на грех, заканчиваются патроны, и пока я, чертыхаясь, меняю магазин, фрицы успевают попрятаться.

А вот после этого... начинается светопреставление. Обозленные немцы лупят по дому чуть не из десятка стволов зараз. Был бы он деревянным, так меня тут же и изрешетили бы. К счастью, он каменный. Но намного легче от этого не стало. Пули залетают в проем и с визгом рикошетят от стен. Слава Богу, меня еще ни одна не зацепила. Но, надо полагать, долго так везти не будет.

Другой край общаги я не просматриваю из двери, и есть вероятность, что сейчас оттуда кто-нибудь уже направляется напрямиком по мою душу.

Улучив момент, вскакиваю на ноги и выглядываю в окно.

Точно!

От угла дома ко мне бегут двое фрицев.

Бежали...

Один из них падает на землю сразу, второй еще пытается стрелять в ответ. Его пули просвистывают где-то совсем рядом, но я оказываюсь точнее...

Пережидаю на полу очередной приступ бешенства атакующих.

Снова меняю магазин, этот уже наполовину пуст.

Жаль, что я тех фрицев не обшарил, наверняка у них гранаты были. А у меня всего одна осталась, хреново...

– Да?

Какого черта?

– Да?!

Это еще кто?

– Да!!!

Черт! Да это же телефон!

Хватаю трубку.

– Я пришел.

– Хорошо.

– Ничего хорошего! Меня тут сейчас по стенам размазывать будут. Где вас черти только носят?! Куда идти-то?!

– В погреб.

– Охреносоветь... А ничего, что там фрицы заседают?

– Ждите нас.

И трубка замолкает.

Глава 6

От стены снова полетели осколки – фрицы не унимались.

Присмотревшись, замечаю одну особенность – все пули ложатся, в основном, вдоль проема, таким образом, чтобы отсечь любую возможность моего перемещения из того уголка, где я сейчас нахожусь. Так, значит, фрицы не оставили-таки надежду слепить меня тепленького? Отсюда я могу контролировать только узкий сектор между углом общаги и каким-то нагромождением камней. Вся левая часть двора мне для наблюдения недоступна. Чтобы это сделать, надо как минимум встать и подойти к окну. А там меня подстрелят в два счета – это место немцы видят. Странно, как меня там еще в прошлый раз не завалили, должно быть, просто зевнули.

Наверняка сейчас уже кто-то ползет через площадь. Бросят гранату под стену, глушанут – и все... Взрыв жახнет на улице, но легче от этого не станет – боец из меня опосля такого бабаха по ушам будет никакой.

Фигово...

За этой пальбой я не слышу ни шагов, ни чего-либо еще, указывающего на приближение противника к домику.

Ладно... будем воевать, как сумеем.

Высовываю в проем двери автомат и выпускаю весь магазин в сторону стрелков. Понятно, что не попаду, так хоть бошки попрячут на секундочку.

Подействовало! Выстрелы на мгновение стихли, видать, фрицы пригнули головы. После чего с азартом возобновили прежнее занятие.

На здоровье...

Лежа с другой стороны двери, меняю магазин.

Можете хоть до посинения стрелять – меня там уже нет. Разве что рикошетом зацепит... Так это и на прежнем месте могло произойти с той же вероятностью.

Поворачиваюсь на спину и смотрю на стены дома. У домика сохранилась крыша, хотя потолок отсутствует. Имеются только балки, на которых он раньше и был закреплен. Слева от меня полуразрушенная печь, занимающая полстены. Ставлю в угол автомат, сбрасываю мешок. Ух ты! В двух местах в нем зияют дырки, немцы все-таки попали. Хорошо хоть, что под углом прошло... Сую мешок в угол и снимаю со спины винтовку.

Через несколько секунд уже карабкаюсь по печке к потолочным балкам.

Вот и они... Стена здесь толщиной всего в один кирпич, не как внизу, там значительно толще, а тут в случае чего прострелят без проблем. Если догадаются куда стрелять...

В стене широкие щели и в одну из них я вижу, как по площади сноровисто ползет немец. Смотрю в оптический прицел. Ну, точно – и этот с гранатой. Правильно я мыслил...

Выжидаю момент и, когда фрицы возобновляют пальбу, стреляю.

Удачно – подстреленный фриц орет во все горло и крутится на месте. Куда же это я ему попал?

Среди немцев замешательство. Они не могут понять, кто, а главное – откуда, стрелял. От того угла общаги, который я не должен видеть, к раненому быстро ползут два немца. Его тащить или меня валить? Если первое – то черт с вами, мешать не стану, все больше времени выиграю. А вот если второе... Запихиваю в магазин еще один патрон. Второй – в ствол.

Уйти отсюда не выйдет, выходов из дома больше нет. Но и входов тоже не имеется. Здесь мы все в равном положении.

Немцы доползают до своего товарища и волокут его назад. Ага, все-таки человеколюбие взяло верх? Ну, тогда и черт с вами, еще поживите. Оставшиеся солдаты прекратили огонь.

Своих подстрелить опасаетесь? Не похоже, угол не тот. Тогда в чем дело? Подвох какой-то готовят?

По краю стены осторожно перебираюсь к балке. Вот и она. Потемневшее от времени дерево еще достаточно крепкое и подо мною только слегка потрескивает.

Отсюда я вижу тыльную сторону площади. На ней нет никакого движения. Облегченно перевожу дух... и вижу шевеление на стене. А вот это – плохо. Стена выше дома метров на пять, как минимум, и оттуда меня одним щелчком сбросят вниз, я и не хрюкну даже.

Стрелять с моей позиции туда бессмысленно – не попаду под таким углом. Спасает меня пока только то, что крыша еще относительно целая (кстати говоря, почему так – чтобы телефон не промок?) и внутренность дома оттуда не просматривается.

Скрип песка под сапогами.

Выбрасываю на улицу последнюю гранату – авось пришибет хоть кого-нибудь.

Два взрыва (почему два?) гремят почти одновременно, дом ходит ходуном, и на улице начинается ожесточенная пальба. Длинными очередями бьют сразу два пулемета, им вторят автоматы, среди которых я различаю скороговорку ППД.

На стене вспухают дымки выстрелов, но огонь направлен куда-то в другую сторону. Во всяком случае, по дому никто не стреляет.

Снова бухают гранаты, на этот раз как-то глухо.

Кто-то орет.

Проснулись, наконец, часовые?

Пропустить участие в такой азартной драке? Что обо мне подумают?

Спрыгиваю на пол, винтовку за спину, мешок на место, автомат в руки.

Выглядываю на улицу. Сразу у входа лежит убитый немец, вся грудь разворочена. На свою гранату упал?

В поле зрения противника не вижу. Вся стрельба сосредоточена у погреба. Хм, а мне как раз туда и надо...

Я был в нескольких метрах от угла, когда оттуда, отстреливаясь от кого-то мне невидимого, вывернулись несколько фрицев.

На пятом или шестом выстреле автомат вдруг замолкает. Осечка? Но одного солдата все же свалить удалось. Швыряю замолкшее оружие в ближайшего немца (он выпускает винтовку и хватается за лицо – хорошо попал!) и перекатом ухожу под стену. Не ровен час, выскочат из-за угла таинственные преследователи, и окажусь я прямо на линии огня. Теряя на ходу мешок и винтовку, врезаюсь плечом в стену и разворачиваюсь назад. Прямо на меня летит здоровенный немец. Приклад уже занесен для удара. Но у меня в руке пистолет. Сухо трещат выстрелы, и фрица разворачивает боком. Ноги его подгибаются, и он всем телом рушится на меня. Еле-еле успеваю убрать голову. В поле зрения еще один немец. Стреляю и вижу, как он роняет свое оружие. А в пистолете осталось всего два патрона. Но есть еще и второй ствол...

– Хватит! Кончились уже супостаты...

Сажусь и мотаю гудящей головой. Мысли нехотя возвращаются на свое место...

Смотрю на говорившего. Высокий боец с винтовкой в руках. По штыку стекает красное – кровь? Взгляд на петлицы. Сержант.

– Все, что ли, уже?

– Да, похоже, что так. Это ты по телефону звонил?

– Я. Вон того фрица глянуть надо, ему автомат в бошку прилетел, так что может быть, и живой еще.

– Левкин! Вон того проверь! – кричит кому-то сержант и снова поворачивается ко мне. – Идти можешь?

– Могу, – опираясь о стену, встаю на ноги и подбираю с земли свои вещи.

– Эк тебе сидор-то разворотило! – крикает мой собеседник.

Смотрю на мешок. У него прибавился еще и длинный поперечный разрез. Чем это так?

– Штыком это, – уловив мой взгляд, поясняет сержант, – вон тот фриц тебе в спину бил. Да увлекся слишком, вот меня и прозевал. Вовремя ты по ним ударил, они уже в нас стрелять приготовились. А тут им сзади – раз!

Он вытирает свой штык о мундир лежащего немца.

– Автомат заело, – оправдываюсь я, – а так... им бы еще раньше прилетело.

– И так хорошо сработал, – не соглашается он со мной. – Мы видели, как ты в погреб-то сиганул. Думали, все – щас там тебя и похоронят. А потом я на тех немчиков посмотрел... Ловко ты их. Да и тут тоже... постарался... любо-дорого глянуть!

– Что ж сразу-то не стреляли?

– Приказ... – виновато разводит он руками. – Должен понимать, чай не первый год-то служишь?

– Да уж... набегался в свое время.

– Товарищ сержант! – кричит молодой боец. – Живой немец-то! Только обалдевший.

– Ага! – довольно крикает мой собеседник. – Тащите его с нами. Здесь приберитесь, дом проверьте – как там?

Он поворачивается ко мне.

– Ну что, пошли?

Снимаю с немца ранец и вытряхиваю на землю его содержимое. Перекладываю в него свои вещи и с сожалением бросаю негодный уже вещмешок.

– Пошли...

Мы с ним идем по площади. Здесь еще около десятка бойцов. Они осматривают убитых фрицев, собирают оружие и патроны.

– В лесу бы глянуть, – говорю я сержанту, – там еще фрицы могут быть.

– Нету их там, сюда они все приперлись. Мы с башни их видели.

Проходим мимо порезанных мною немцев и уходим дальше вглубь погреба. Сержант подсвечивает себе фонариком. Огибаем какие-то столбы, поворачиваем, снова спускаемся.

– Стой! Кто идет?

– Кувшинка. Сержант Непийвода.

– Озеро, товарищ сержант. Проходите.

Невидимый часовой отступает вглубь, и мы идем дальше.

– Надо же... а я и не думал, что тут такие подвалы большие.

– Они не такие уж и большие, скорее, запутанные, – не соглашается сержант.

– Ну... может быть. Только как же немцы вас не нашли-то? Старший лейтенант говорил, что были они здесь.

– Были. Только толку им с того?

Он останавливается у стены и что-то делает. Чуть слышно скрипнув петлями, кусок стены поворачивается, и в свете фонарика я вижу уходящий куда-то в глубину тоннель. Там не совсем темно – кое-где горят редкие лампочки.

– В монастыре они до второго пришествия могут землю рыть, – говорит за моей спиной сержант. – Там ничего нет, только посты скрытые. А мы все в лесу сидим...

Глава 7

Под внимательным взглядом хозяина кабинета полковник несколько смутился. Но быстро взял себя в руки.

– Видите ли, товарищ Крылов, Осадчий и сам этого толком не понял до конца.

– То есть как? Внутри же он как-то попал?

– Тут такое дело, товарищ Крылов... когда Особый отдел вместе с разбитым арtpолком оказался в окружении, к майору подошел один из бойцов роты связи...

– Так...

– Он рассказал майору, что перед самой войной он недалеко от этих мест ремонтировал линии связи какого-то непонятного объекта. По его словам, это был большой подземный бункер где-то в лесу.

– Он указал его местонахождение?

– Да. И даже показал вход в кабельный колодец. Проникнув в него, сотрудники Особого отдела смогли найти и обычный вход. Их оказалось несколько. Причем – все в разных местах. Были выходы в лес, в близлежащий монастырь и к реке.

– Так-так... Связист, значит...

– Да. В бункере нашли приборы наблюдения – вроде перископов на танках или на подводных лодках. Посты обороны и даже телефонную связь. Была и динамо-машина, которая работала от протекающей поблизости реки. Есть проточная вода, и даже кухня имеется. Только еды нет никакой.

– И что же это за бункер такой?

– Осадчий этого не знает. Вернее – не знал на момент отправки группы капитана Майбороды.

– Вы говорите, что там даже телефоны есть?

– Есть. Только неизвестно, куда ведут их провода. На звонки никто не отвечает.

– А что еще нашел там майор? Может быть, документы какие-то?

– Нет. Никаких документов там не обнаружено. Бункер пуст.

– Но для жизни пригоден?

– Да. В нем сейчас разместились личный состав Особого отдела и взвод охраны. Остальные части расположены в лесу между бункером и противником.

– Как далеко немцы находятся от бункера?

– По-разному. Но ближе тридцати километров никого нет. В лесных деревеньках их гарнизоны не стоят, но патрули бывают часто.

– То есть они и ближе тридцати километров подходят?

– Точно мы не знаем, но, скорее всего, да.

– А сколько народу там всего?

– На момент отправки группы Майбороды – четыреста тридцать два человека. Но постоянно подходят новые. Группами и в одиночку.

Скрипнула металлическая дверь больничного отсека, и в комнату вошли двое. Первый из вошедших имел знаки различия капитана, второй – майора НКВД.

Лежавший на кровати человек приподнялся на локтях, что вызвало инстинктивное движение к нему у сидевшей рядом медсестры.

– Лежите-лежите! – сделал успокаивающий жест майор. – Вы ранены, и вам необходим покой.

По его знаку медсестра встала и вышла в коридор. Майор присел на освободившийся стул. Молчаливый капитан остался стоять у двери.

- Вы просили встречи со мной, – майор пододвинулся ближе. – Что вы хотели мне сообщить?
- Извините, товарищ майор, но... на документы ваши я могу посмотреть?
- Извольте, – ничуть не удивившись, майор вытащил из нагрудного кармана удостоверение личности. – Достаточно?
- Майор Осадчий Игорь Федорович, является начальником Особого отдела ... стрелковой дивизии. Да, товарищ майор, мне этого более чем достаточно.
- Встретившим вас бойцам вы назвали мою фамилию и сказали, что говорить будете только со мной.
- Совершенно верно, товарищ майор.
- А у вас, в свою очередь, какие-либо документы есть?
- Нет, товарищ майор. Вы же знаете правило – уходя в разведку, сдавать документы.
- Знаю. Но как же нам тогда быть? Каким образом вы можете удостоверить свою личность?
- Выбрасывая нас сюда, командование предусмотрело и такую возможность, товарищ майор. Учитывая вероятность того, что часть группы может и не дойти до вас, были предусмотрены соответствующие меры опознавания и на этот случай.
- Например?
- Товарищ капитан, – повернулся ко второму гостю лежащий, – там, у входа, стоят мои сапоги. Будьте добры, дайте сюда правый.
- Этот? – майор повертел в руке поданный капитаном сапог.
- Да, товарищ майор. Распорите шов на голенище.
Через минуту майор держал в руке клеенчатый пакет.
- Что здесь?
- Откройте...
- В руке майора оказалась неровно обрезанная по краям фотография.
- В левом нижнем углу ваша дочь, Нина. Рядом с ней стоит ваш заместитель по оперативному обеспечению старший лейтенант Могучий. Верхняя часть лица обрезана, но вы должны помнить его усы. Справа от него ваша жена – Ольга Николаевна Осадчая. В протянутой руке, которая находится на удаленной части фотографии, она держала несколько цветов. Ромашки. Снимок сделан перед вашим уходом на фронт.
- Рука майора дрогнула.
- Что с ними сейчас?
- Эвакуированы в Казань. Более мне ничего неизвестно.
- Ну что ж... мне этого достаточно.
- У остальных членов группы имелись свои опознавательные предметы. У каждого – свой. Мне неизвестно, что это за предметы или документы. Я знаю только про то, что было у меня.
- Почему обрезано фото?
- Я не знаю. Это было сделано при мне, после того как я запомнил все то, что находилось на удаленной части фотоснимка. Инструктаж проводился индивидуально с каждым из нас.
- Кто проводил инструктаж?
- Старший майор Горбуненко.
- Майор искоса взглянул на капитана. Тот молча пожал плечами.
- Хорошо, будем считать, что этого пока достаточно. Ваше имя и звание?
- Старший сержант Лемешев Валерий Петрович. В/ч 00193.
- Что это за часть?
- Отдельная специальная разведывательная рота при штабе армии.
- С каким заданием вы сюда направлены?

– Установить связь вашей группы с командованием. Оказывать вам помощь в выполнении поставленной перед вами задачи.

– Характер задачи?

– Это знал только командир.

– Его имя и звание?

– Старший лейтенант Обручев, Игорь Михайлович.

– Где он сейчас?

– Не знаю, товарищ майор. Последний раз я его видел перед тем, как он разделил нашу группу.

– Почему?

– У нас на хвосте сидели немцы, а в группе осталось всего четыре человека. Один радист погиб при высадке. Командир приказал мне остаться, а сам вместе со вторым радистом и еще одним бойцом попытался вырваться из окружения. Я просидел в укрытии два дня. После этого, согласно полученному приказу, попытался найти вас самостоятельно.

– Вы знали, где нас искать?

– Старший лейтенант сказал – иди к монастырю. Там есть наши посты, они проводят тебя к майору.

– Так.

– В лесу меня ранил снайпер.

– Почему вы так решили?

– Выстрела не было слышно. Сначала в меня попала пуля, я упал. И только потом прилетел звук выстрела. Стреляли издали, и это не мог быть обычный стрелок.

– Возможно... Связь должна была быть осуществлена только по радио?

– Нет. Был еще и резервный канал.

– Какой?

– Здесь есть еще наши. Агентура глубокого залегания. Старший лейтенант сказал, что они тут что-то охраняют.

– Что же?

– Я не знаю. Но мне известно, каким образом вы можете выйти с ними на связь.

– Так... Хорошо... А остальные члены вашей группы? Ставилась ли перед ними аналогичная задача?

– Мне ничего про это неизвестно, товарищ майор.

– Вы не знаете, уцелел ли кто-нибудь еще из вашей группы?

– Не знаю. Скорее всего, нет. Иначе они тоже были бы уже здесь...

Хозяин кабинета прошелся от стены к стене. Вернулся к столу и взял с него какую-то папку.

– А что за секретные документы находятся в распоряжении майора Осадчего?

– Там вообще история достаточно странная, товарищ Крылов. Неподалеку от монастыря группой майора Осадчего был обнаружен труп человека. Он был одет в танковый комбинезон, сильно обгорел. При нем и были найдены эти документы.

– Эти? То есть указанный вами ящик – это еще не все?

– Извините, товарищ Крылов, – вступил в разговор генерал-лейтенант. – Помимо ящика имелись еще и сопроводительные документы, удостоверение личности... еще какие-то, уже не столь значимые бумаги. Часть документов тоже обгорела, и восстановить их содержание Осадчий имеющимися у него средствами не может.

– А отчего обгорел труп?

– Неизвестно. Никакой техники поблизости не оказалось.

– Откуда же он туда попал?

– Видимо, был вынесен или вывезен еще кем-то.
– И брошен в лесу с секретными документами... Хм-м! Вам это не кажется странным, товарищ генерал-лейтенант?

– Да, товарищ Крылов, у нас тоже имелись сомнения на этот счет. Но текст сопроводительного документа... он не оставляет нам никаких... никаких вариантов для раздумья. Ящик необходимо вернуть любой ценой! Именно такой приказ и был нами получен.

– Да... понимаю... – Крылов открыл папку и выложил прямо на маленький столик несколько бумаг. – Полюбуйтесь...

Генерал-лейтенант поднял бумаги.

– Состав группы... семь человек, два радиста. Особые приметы... Старший группы – старший лейтенант Обручев, Игорь Михайлович, командир взвода отдельной роты...

Его лицо стремительно побелело, и выпавшие из рук бумаги упали бы на пол, если бы внимательно следивший за ним полковник вовремя не перехватил их.

Рогов рванул рукой ворот кителя.

– Что... что это такое... откуда...

– Это донесение было получено абвером перед вылетом вашей спецгруппы. В нем указаны все приметы членов группы, их имена, фамилии и звания. Описан характер задания и все прочее, – теперь хозяин кабинета выглядел совсем по-другому. Куда-то исчезли неторопливость и несобранность в движениях, внимательные серые глаза фиксировали каждую мелочь. – У вас есть какие-либо соображения по этому поводу, товарищ генерал-лейтенант?

– Нет... никаких соображений у меня нет... сейчас нет.

– Полковник! Налейте воды товарищу генералу.

Гордеев торопливо налил стакан и протянул своему начальнику. Тот благодарно кивнул и в два глотка осушил посуду.

– Вам легче? – участливо поинтересовался хозяин кабинета. – Может быть, вызвать врача?

– Спасибо... не надо, я уже пришел в норму...

– Да? Тогда продолжим... У вас, товарищ полковник, какие-то соображения есть?

– Где-то совсем рядом сидит предатель.

– Вы знаете, я вот об этом тоже как-то сразу подумал... – сокрушенно кивнул Крылов. – Да... только вот не могу взять в толк – как это вы вдруг так обмишулились, товарищи? Что случилось? Вы опытные разведчики, не первый год в строю – и такая невнимательность?

– Он не у нас сидит, товарищ Крылов.

– Это почему так? – собеседник заинтересованно поднял голову. Удивленно повернул голову и генерал-лейтенант.

– А вот, посмотрите, – полковник подал Крылову самый первый лист, – тут написано, что Обручев командир взвода отдельной разведроты, так?

– Ну... так и написано. И что?

– Он заместитель командира роты. И был назначен на эту должность непосредственно перед вылетом. Я сам на него представление писал.

– И что?

– Оно так и осталось у меня на столе, не успел его в кадры отправить, забегался... Но сам старший лейтенант об этом знал, и ребята его знали. Даже и поздравить его все успели. Если бы шпион у нас сидел, так и он бы тоже про это знал.

– Хм... не лишено смысла. Но, тем не менее – немцы знали про группу и успели ее перехватить.

– Всю?

– Всю.

– Опять нестыковка, товарищ Крылов. По данным местного подполья, один человек сумел уйти. Я прямо перед выездом эту информацию получил, уже в машине прочел. Полицаи проболтались, а кто-то из подпольщиков это и услышал. Я вам, товарищ генерал-лейтенант, тогда хотел еще сказать, да мы уже приехали, вот и не успел... – повернулся Гордеев к своему начальнику.

Тот благодарно кивнул. На его щеках уже стал проступать легкий румянец.

– А у немцев написано прямо – уничтожено семь парашютистов. И даже фото есть, только у меня их нет. Не передашь такие вещи по радио, не придумали еще у нас такой техники, – покачал головой хозяин кабинета. – Я нашему человеку верю, врать он не будет. Да и помимо этого... вот, посмотрите...

– У них есть свой агент рядом с Осадчим? – прочитав бумагу, поднял вопросительный взгляд на Крылова полковник.

– Ну, во всяком случае, так докладывает полковник Кранц.

– И что же он успел ему уже сообщить?

– Этого мы пока не знаем.

– А... можем узнать, товарищ Крылов?

– Можем. Но сейчас, – Крылов налил себе еще чаю, – у нас с вами одна задача – быстро вывести оттуда Осадчего и его людей.

– А как же...

– И ящик ваш вынести, это уж само собой разумеется. Если бы не просьба наркома... – хозяин кабинета покачал головой, – то тащили бы его оттуда своими силами...

Глава 8

Рогов поежился. «Просьба»? Кто же такой этот кабинетный сиделец, что всесильный нарком его только «просит»? Или, скорее всего, это слово относилось не к самому Крылову, а к кому-то повыше?

– Так все-таки, товарищ Крылов, – снова вступил Рогов в разговор, – куда же попал майор Осадчий? Мы понимаем, что это вопрос непростой, но и наше дело...

– Теперь, – хозяин кабинета особенно выделил голосом это слово, – теперь я могу вам это рассказать.

Гордеев поежился. У него возникло ощущение прикосновения к чему-то жуткому и громадному.

– Незадолго до войны, по указанию, – Крылов указал взглядом наверх, и его собеседники понимающе кивнули, – мы закончили строительство и укомплектование резервных центров управления страной.

Генерал-лейтенант с полковником переглянулись. Центров? Слухи ходили только про один – где-то под Куйбышевом.

– Вы не ослышались, – заметив их взгляд, усмехнулся Крылов. – Это не просто дот с телефонами, нет. Вокруг каждого такого центра заложены склады длительного хранения. Там не только оружие, но и запасы сырья для промышленности. Есть еда, снаряжение, запасные части. Все это связано с центральным бункером при помощи проводной связи.

– И сколь велики эти... эти запасы, товарищ Крылов? – генерал-лейтенант уже взял быка за рога.

– Чрезвычайно велики. Ими можно без труда одеть и экипировать целую дивизию. Да и не одну...

– Однако! – Рогов покачал головой. – Но как же так могло выйти, что на таком объекте – и охраны нет никакой?

– Охрана есть. Только она, как можно догадаться, непосредственно в бункере не сидит. Они контролируют доступ в данный район. При необходимости сообщают нам.

– Так там, что же, – приподнялся с места Гордеев, – и связь имеется? Зачем же тогда мы группу посылали...

Хозяин кабинета молча посмотрел на полковника, и тот скомкал продолжение фразы.

– Есть там связь... только не в этом бункере. И допустить до нее никого из посторонних я не имею права. Ни при каких обстоятельствах, товарищ полковник.

– Но... там же наши... наши бойцы и командиры... как же так...

– Это приказ, товарищ полковник. Не мой... так что обсуждать я его не стану... да и вам не советую. Надеюсь, это всем понятно?

– Чего уж тут непонятного, – буркнул Рогов. – Не в песочнице чай куличи лепим...

– Вот и хорошо, – Крылов кивнул. – Будем считать, что по этому вопросу все. Теперь вы знаете достаточно, чтобы спланировать дальнейшую операцию. С чего собираетесь начинать?

Гордеев кашлянул.

– Ваши соображения на этот счет, товарищ полковник? – повернулся к нему собеседник.

– Да. Ваши люди... они могут выйти на связь с группой Осадчего?

– Могут. Я уже распорядился, и в район деревни Лосевка скоро прибудет наш человек.

– А связь с ним будет?

– Будет. В вашу задачу, товарищ полковник, входит подробный инструктаж связного.

– Каким временем мы располагаем?

– У вас на это три-четыре дня. Возможно, что и меньше. Так что инструкция должна быть готова, – хозяин кабинета посмотрел на отрывной календарь на стене, – послезавтра в обед. Вопросы есть?

– Есть, – кивнул генерал. – Какую задачу мы должны поставить перед группой Осадчего?

– Прорыв, – пожал плечами Крылов. – А что же еще? С армией согласуем, помощь окажем. Самолету там сесть негде, так что этот вариант эвакуации отпадает. С оружием и снаряжением тоже поможем, у нас там для этого запасы кое-какие имеются...

Узкий бетонный коридор уходил куда-то в сторону. Пройдя по нему метров пятьдесят, мы очутились перед амбразурой, откуда на нас хмуρο уставился пулеметный ствол.

Мой провожатый осветил себя фонарем.

– Кто это с вами, товарищ сержант?

– Из лагеря. Связной.

– Проходите...

Непийвода шагает куда-то вбок. Тоннель тут делает поворот, огибая стену с пулеметной амбразурой. Никакого варианта обойти это место нет.

Пройдя еще метров пятьдесят, мы подходим к новой двери. Здоровенная металлическая плита с маховиками кремальер надежно перекрывает вход. Сбоку в стене тоже амбразура, и из нее тоже выглядывает пулемет.

– Стой!

Мы останавливаемся.

– Кувшинка! – говорит сержант.

– Озеро.

Ничего однако не происходит.

Дверь все так же остается закрытой.

– Оружие тут оставь, – поворачивается ко мне мой провожатый. – Первый раз сюда входишь... уж извини...

Ставлю к стене винтовку. Кладу рядом ранец и снимаю с ремня кобуру с пистолетом. Выкладываю оба маузера и добавляю к ним штык-нож и финку.

– Йок! Нету больше ничего! Гранаты все я еще наверху разбросал.

Покачав головой, сержант подходит к двери, пропуская меня вперед.

Скрипнув на петлях, дверь поворачивается. В проеме, освещенный тусклым светом электроламп, стоит давешний лейтенант, тот, что смотрел на наши тренировки.

– А, Котов! Что-то подзадержались вы...

– Здравия желаю, товарищ лейтенант. Надо полагать, у фрицев были свои соображения о том, куда мы все должны были попасть...

– Ну, об этом мы все подумаем чуток попозже... А пока – милости прошу в наши хоромы.

Сержант, отступив назад, собирает мой арсенал и вещи. Перешагиваю через высокий порог и топаю за лейтенантом по коридору.

А хоромы тут действительно вполне основательные. На первый взгляд, так половину наших лесных сидельцев здесь можно разместить без проблем. Электричество есть и здесь – на потолке изредка попадаются горящие лампочки. Интересно! А как оно тут вырабатывается? Со склада генератор приволокли? А раньше как сидели – лучину жгли? Не очень-то похоже... следов копти я нигде не заметил.

Путь наш заканчивается у очередной двери.

Лейтенант стучит в нее, дожидается ответа и приглашающе кивает мне на дверь.

– Пойдемте, Котов!

Небольшая комната слегка овальной формы напоминала купе поезда. На правой стене две откидные койки. Прямо напротив двери на стене укреплен небольшой столик. Только пара стульев выбивалась из вагонного интерьера – совершенно обычные, прямо как у нас в бухгалтерии, лет двадцать назад. На освещении хозяева не сэкономили, тут горели сразу две лампы.

Навстречу нам встает коренастый немолодой дядька. Нарукавные звезды... петлицы – еще один особист? Ну, не политработник, это уж точно.

– Здравия желаю, товарищ майор! Красноармеец Котов прибыл по вашему приказанию!

– По моему?

– Старший лейтенант Хворостинин сказал мне, что мы едем к его руководству. Я так думаю, товарищ майор, что он именно вас в виду и имел.

– Ага... А сам он где?

Рассказываю майору о произошедшем. В процессе разговора он кивает мне на стул. Сам садится напротив и внимательно слушает.

Лейтенант в наш разговор не лезет и молча сидит на кровати, сразу около двери.

– У вас все?

– Все, товарищ майор. Про бой в монастыре вы и сами уже, наверное, все знаете...

Майор кивает.

– Да, я кое-что видел... А что – старший лейтенант не говорил вам, зачем и куда вы едете?

– Нет. Он сказал мне – найди в монастыре майора Осадчего, скажи ему, что он был прав.

– В чем?

– Не знаю. Наверное, он думал, что вы его поймете.

Оба особиста переглядываются. Майор кивает, и лейтенант встает с кровати и исчезает за дверью.

– Прав, говорите?

– Так точно!

Взгляд майора становится цепким.

Блин! Тут так не говорят еще. Или уже говорят? Не помню...

– Вот что, Котов... вы ведь тоже здесь не просто так – погулять вышли? Так?

– Какие уж тут прогулки!? Живой вылез – и то благодать.

Майор морщится.

– Не надо, Котов! Я серьезно говорю.

– Так и я не шучу, товарищ майор...

Он внимательно на меня смотрит.

– Кто вы по званию, Котов? То, что не рядовой – я уже и так вижу. Не спорю, ваша легенда вначале выглядела очень убедительной. Хворостинин в нее поверил. Сначала. А вот после склада появились новые подозрения... И я был бы вам очень признателен, если бы вы помогли их разрешить...

– Какие же, товарищ майор?

– Ваше звание и должность...

Не отстанет... для него это вопрос принципа... Ну, что ж... держи.

– Подполковник. Старший инструктор отдела боевой подготовки управления В-2.

– Это что за управление такое?

– Приказ о его создании проходит под грифом «Совершенно секретно», и его номер начинается с двух нолей.

Майор озадаченно на меня смотрит. Нет, чего-то подобного, он, несомненно, ожидал. Я как-никак, дал уже ему и всем его сотрудникам достаточно оснований для соответствующих выводов. Зря, что ли, голову столько ломал? Понятное дело, что заявить о себе в открытую – значило бы, в лучшем случае, вызвать нездоровый интерес, подкрепленный отсутствием у меня каких-либо документов. А вот сейчас... Я же к вам не набивался на знакомство, это вы

сами меня раскрыли. А еще говорят, что от перемены мест слагаемых сумма не изменяется. Может быть, в математике и так, не спорю. Но мы-то здесь не математическими вычислениями занимаемся? В оперативной работе правила несколько иные...

– ... Хм... И документы у вас соответствующие есть?

Удивленно смотрю на него.

– Товарищ майор, сам факт существования моего подразделения есть информация сугубо секретная и для распространения отнюдь не предназначенная. Да и задание мое совершенно не предусматривало даже и возможности каких-либо контактов с окружающими. А уж тем более моего раскрытия перед ними. Независимо от их звания и занимаемой должности. Положа руку на сердце, товарищ майор, вы сомневаетесь в том, что я спокойно сумел бы пройти отсюда к нашим?

– Нет... теперь уже не сомневаюсь...

– Так что и помощь мне ничья не требовалась. Если бы все по плану прошло – никто из вас обо мне даже и не услышал бы... Не немцам же мне свои документы показывать? Прошел бы и через фронт, а уж там... Главное – до телефона добраться...

– Вас послушать, так не война выходит, а просто прогулка какая-то.

– Не обижайтесь, товарищ майор, но никто из ваших бойцов, не говоря уже о фрицах, мне в данном случае – не помеха. И прошел бы я куда надо, и нашел бы то, что нужно. Да и ушел бы спокойно. У меня на то соответствующий *приказ* имеется. И уж поверьте мне, товарищ майор, что такие величины, как мы с вами, *там*, – тычу рукой в потолок, – вообще не рассматривают. Сами же небось не хуже меня об этом знаете...

Майор встает и достает из шкафчика в изголовье кровати пару жестяных кружек. Ставит их на столик.

– Чаю хотите?

– Хочу. И есть хочу, меня всегда после хорошей драки на еду пробивает.

Он открывает дверь и что-то говорит лейтенанту, который ждет в коридоре. Возвращается назад и садится на стул.

– Сейчас принесут что-нибудь...

Майор крутит в руках карандаш.

– А задание ваше... оно связано ... вот с этим? – он обводит рукой по сторонам.

– Вы данный центр имеете в виду? Нет. Мои интересы его не касаются...

Почему я назвал это центром? Да приходилось уже видеть похожие сооружения в наше время. И склады там были, и связь... да и много чего еще имелось... Очень уж мне все это знакомо. Да и те сооружения, что я видел, тоже не все в наше время построены были. Много чего еще с военных времен осталось. Да и не только с военных. Ежели по железу на перекрытиях судить, так это еще перед войной строилось. Именно тогда мы у немцев эти полутюбинги закупали. Вот и прикинул я – склад в лесу, да бункер этот... явно ведь одного поля ягоды. Стало быть, бункер над складом стоит по иерархии. И склад ему подчинен. Не удивлюсь, если и на звонок телефонный именно тут и ответили.

– Но про сооружения эти вы знаете?

– В рамках полученного приказа я, естественно, осведомлен о том, куда я не должен заходить. И что не должен там делать.

– А как же склад? Выходит, что приказ вы уже нарушили?

– Вы и так знали о том, что он там есть. Рано или поздно – нашли бы и без меня. Или, что гораздо вероятнее, привлекли бы внимание немцев к этому участку леса. Я прав? Сюда-то вы как попали? Вот уж этого я совсем не ожидал, честно говоря... Были у меня подозрения насчет подвалов... так долго в них прятаться невозможно, мелкие они... оттого и не думал я про монастырь вовсе. Думал – в лесу вы где-то лагерем стоите.

– Вы про подвалы знаете?

Вздыхаю и выкладываю майору свои сведения о монастырских подземельях. С поправкой на нынешнее время, разумеется. За то время, что с войны прошло, новых подвалов тут никто не рыл. А входы в старые подземелья видны были достаточно хорошо. Вот только вниз мы почти и не заходили – обрушилось там все. Но... все подвалы где-то похожи...

Судя по выражения лица майора, где-то рядом я все-таки попал.

– Ну да, – кивает он, – изначально все так и планировалось. Так уж вышло, что среди наших бойцов оказался связист, который в свое время ремонтировал здешние линии связи. Он-то и показал нам коммутационный колодец. А оттуда мы уже и внутрь попали, это, как выяснилось, было предусмотрено как аварийный выход. Неделю целую здесь лазили да осматривались, пока динамо-машину нашли. Тут уже все легче пошло. Со светом-то!

– Надо же... Повезло вам.

– Не скажите... Уже когда через подвалы выходить стали, двое бойцов на минах подорвались – ближние подходы к дверям оказались заминированы.

– А что ж вы хотели-то, товарищ майор? И здесь тоже мины есть.

– Вы и об этом знаете?

Он ваньку валяет или всерьез? На складе же мины были. А тут – всё куда серьезнее. Тут они просто обязаны стоять.

– Товарищ майор... вы меня совсем уж за лопуха-то не считайте, хорошо? Или вам схему минирования нарисовать?

Блефую. А ну как скажет – рисуйте! Придется из пальца высасывать. Или, по аналогии со складом, изобретать...

Обошлось, майор только покивал.

– А ваше задание? В чем состоит оно? Я о подробностях не спрашиваю, естественно, но... что-то и мы сделать ведь можем? В одной лодке все сидим, не так ли? Раз уж вы сами к нам вышли, была причина-то для этого?

Делаю вид, что задумался.

– Здесь должен был быть наш человек...

Карандаш в руке майора дрогнул.

– Кто такой?

– Это... скажем так – он шел на связь.

– С вами?

– Нет. Связник погиб. Не здесь. И человек этот тоже больше на связь не вышел.

– И что же?

– Я должен его найти. Живого или мертвого – все равно.

– Вы должны это сделать в одиночку? В густом лесу?

– Он должен был выйти к монастырю. И быть рядом. Уйти он никуда не должен.

– Хорошо. Допустим, что вы его нашли. Что дальше?

– Забрать его документы и переправить за линию фронта. При невозможности это сделать – уничтожить.

– Что вы про него знаете? Кто это такой?

– Простите, товарищ майор, а вам это зачем?

– Мы нашли такого человека...

Глава 9

Вот это – здрасьте! Попал-таки американец сюда. Интересно, он сразу начал их тут ксивой стращать, или призадумался? Что он им уже успел наговорить?

– Он жив?!

Собеседник мой внимательно на меня смотрит. Видимо, реакция на его слова соответствует ожидаемой.

– Нет. Он... погиб...

– Как?! Как же так?!

Ф-ф-у-у... Пролетел кирпич мимо...

– Мы не знаем. Когда бойцы обнаружили его тело, он уже был мертв. Сильно обгорел...

– Я могу его видеть?

– А откуда я знаю, что вы – именно тот человек, к которому он шел?

– Поправка. Он не ко мне шел.

– Пусть так. И все же?

Что я могу рассказать майору? Да ни хрена, в общем-то... Хотя... если память поднапрячь... Нож! Танковый корпус! Особист из Уральского корпуса!

– Он мог быть одет... в нашу форму или в танковый комбинезон...

Собеседник невозмутим.

– Вооружен автоматом ППД номер СЕ 14807, пистолетом ТТ и... нож еще должен у него быть.

Хорошо, что я номер автомата запомнил.

– Какой нож?

– Финка темного металла с надписью «Уральский добровольческий танковый корпус».

Гранаты, немного необычные, у них взрыватель оригинальной конструкции.

– Этот пистолет?

Майор вытаскивает из стола ТТ. Кладет его на стол.

– Посмотреть можно?

Он кивает.

Так... обычный тэтэшник, выпуска сорокового года. Шутить изволишь, майор?

– Нет. У него должен быть десятизарядный пистолет.

– ТТ на десять патронов? Ничего не путаете?

– Нет.

– А еще что-нибудь? Какие-то еще вещи его назвать можете?

А что? Что еще могло быть у этого проваленыша?

– Ну... сапоги у него не совсем обычные... со стальными пластинками в подошве.

Майор недвижим. Черт, еще что-то есть! Но что же?! Какая-то деталь... судя по всему, именно она и озадачила майора больше всего...

Что это за деталь?

Американца забрасывали в Потсдам.

Это в Германии.

Наши там могли быть только в сорок пятом – это уже конец войны. Как выглядел особист танкового корпуса в это время?

Комбез?

Было.

Я это говорил, и оппонент схавал, не поморщившись. Значит – попал.

Оружие?

Номер автомата был назван и, судя по всему, совпал.

Пистолет?

Он пытался подсунуть мне какой-то левак и обломался.

Тоже ничуть не поморщился. Стало быть, и этого ответа ожидал.

Нож?

Не аргумент, таких ножей может быть хренова туча.

Сапоги?

А их вообще кто-нибудь проверял? Может быть, в них сейчас какой-нибудь старшина рассекает и в ус не дует, а я тут пыжусь...

Подведем итоги.

Мои ответы в целом совпали.

Но майору этого явно недостаточно.

Значит, есть еще какая-то деталь или детали, которые, с точки зрения особиста, являются уж совсем из ряда вон выходящими и однозначно идентифицируют меня как человека знающего. Супер!

Дело за малым – назвать эти детали...

Особист...

Нет, не то. Документы могли и не уцелеть. Да и не знаю я, что там в них понаписано.

Танкист...

И что?

Чем он принципиально от обычного бойца или командира отличается?

Да еще настолько, что это так уж в глаза бросается?

Нет.

Не в этом дело.

Потсдам... уже теплее...

Германия, сорок пятый год.

Блин!!!

Поднимаю правую руку и провожу ею по плечу.

Майор вздрагивает.

Попал!!!

Это же погоны!

Никто из особистов их до этого не видел!

Стукнула входная дверь, и сидящий за столом Кранц поднял голову.

– Вилли? В чем дело?

– Прибыл гауптман Хорст, герр гауптман.

– Один?

– Так точно, герр гауптман, один.

– Проси его сюда... – Кранц встал из-за стола навстречу вошедшему.

Хорст выглядел уставшим и чем-то озадаченным.

– Здравствуйте, Генрих! – шагнул к нему хозяин кабинета. – Отчего вы один? Где наш молодой друг? Где Лемке?

– В лесу, герр гауптман. Как и большинство его солдат.

– Не понял?

– Как вы и приказали, мы организовали засаду на русских курьеров. Долго ожидать не пришлось, уже утром мы увидели мотоцикл, который направлялся в сторону их лагеря.

За рулем был один солдат, и Лемке решил, что он за кем-то послан. Так оно и оказалось, уже через два часа этот же мотоцикл выехал в обратном направлении.

– Один? Или были еще пассажиры?

– Были. Еще один солдат, по-видимому, охранник, и офицер. Он сидел в коляске. Мои ребята сняли водителя и подранили офицера.

– А охранника?

– У нас было всего два снайпера. Да и офицер был значительно более интересен, чем какой-то там солдат.

– Продолжайте, милый Генрих, я вас очень внимательно слушаю.

– Русских выбили из седла таким образом, чтобы мотоцикл остановился перед засадой. В результате он успел отъехать вперед и исчез из поля зрения обоих снайперов. Предвидя это, я заранее определил им запасную позицию, куда они сразу же после выстрелов и направились. Мало ли... русские могли бы оказаться гораздо более непредсказуемыми, чем мы предполагали.

– Так...

– К сожалению, герр гауптман, все пошло именно по наихудшему сценарию. Водитель был убит, а офицер ранен в бок. Тем не менее он оказал ожесточенное сопротивление. Ему удалось убить троих и ранить семь человек.

– Это каким таким образом?

– Он вывалился на дорогу с пулеметом в обнимку. Несмотря на раны, стрелком он оказался очень неплохим. К сожалению, Лемке сосредоточил все внимание только на нем и совершенно упустил из виду уцелевшего охранника. А тот оказался под стать своему начальнику. Убил одного моего стрелка и бросил гранату во второго. К счастью, тот уцелел, его только немного зацепило осколками. Досталось и мне...

– Вы ранены? Так отчего же вы здесь?

– Пустяки, герр гауптман, слегка задело левую руку, только и всего...

– Все равно, Генрих, все равно. Хирург в нашем госпитале – истинный мастер своего дела. Вы должны непременно его навестить. Слышите меня, Хорст? Не вздумайте от этого увилывать – проверю!

– Слушаюсь, герр гауптман!

– То-то же... Итак – продолжайте.

– Взять офицера живым не удалось, он отстреливался до последнего патрона, а когда они закончились – подорвал себя гранатой. При этом убил еще одного солдата и одного ранил.

– Однако...

– Лемке приказал взять ухотившего охранника, причем взять обязательно живым. Хотя мы вполне могли его подстрелить. И, видит Бог, у меня были на это все основания.

– Генрих, Генрих! Что с вами?! Я вас не просто не узнаю...

– Извините, герр Кранц...

– Да полноте, мой друг, что вас так взволновало?

– У этого... красного... была не совсем обычная винтовка...

– То есть?

– У него была винтовка моего заместителя. Я узнал бы это оружие из тысячи, ведь это мой подарок...

– Поясните...

– Это оружие, как и моя собственная винтовка, было выполнено по отдельному заказу. Специально подбирались стволы, прицелы тоже, ложи делались под конкретного человека, так что это далеко не стандартные винтовки. В бинокль все это можно рассмотреть достаточно подробно. Так что не сомневайтесь, герр гауптман, это она. Теперь я знаю, кто убил моего товарища.

– Хм... И что еще вы смогли разглядеть?

– Ну... судя по тому, что офицер остался его прикрывать... да и весь дальнейший ход боя это только подтвердил – основным пассажиром был именно этот человек.

– Тоже офицер?

– Нет. Он был одет в обычную солдатскую форму. Знаков различия никто не разглядел, но это точно не офицер. На вид ему более сорока лет. Тем не менее двигается он очень грамотно и... легко. Даже и получи я приказ на открытие огня, не уверен, что сумел бы его подстрелить первым выстрелом. Он почти не показывался в поле зрения, а во весь рост я видел его только один раз, да и то – на пару секунд.

– Лемке рассчитывал взять его живым?

– Да. И кроме того, он хотел понять – куда пойдет русский? Для этого в монастырь успели прорваться несколько наших солдат, они должны были проследить за этим и взять русского тогда, когда это будет наиболее удобно.

– И что же?

– Я не входил в монастырь, оттого и не могу сказать это определенно. Наша группа осталась снаружи. Мы должны были предотвратить подход подкреплений противника из лагеря. Но оттуда так никто и не вышел. А вот в монастыре внезапно начался бой. Сначала это были отдельные выстрелы, потом... такое впечатление, что там была засада. Во всяком случае, из группы Лемке уцелели только те солдаты, которые оставались с нами вместе на позициях. Он сам ушел вместе со своей основной группой. И, судя по всему, вместе с нею и остался там, внутри этих негостеприимных стен...

– Вы не пытались оказать им помощь?

– Нарушив ваш недвусмысленный приказ? Если бы мы даже и попытались войти в ворота, то имеющихся в моем распоряжении солдат хватило бы только на несколько минут боя. Для засады их было вполне достаточно, а вот для штурма монастыря... Там уже была почти вся группа Лемке, а это более тридцати человек. А нас всех было около десятка, считая уцелевшего снайпера, который, несмотря на раны, остался на своем посту.

– Извините меня, Генрих, но вы должны меня понять... Я был очень привязан к оберлейтенанту...

– Понимаю вас, герр гауптман. Но... война есть война, никто из нас не застрахован от таких случайностей.

Кранц встал из-за стола и, достав из шкафа бутылку коньяка и пару рюмок, налил себе и Хорсту.

– Давайте выпьем, гауптман. За наших погибших товарищей.

Помолчав пару минут, Кранц поставил на стол рюмку и уже совсем другим тоном обратился к своему собеседнику: «Какие вы сделали из всего этого выводы, гауптман?»

– В монастыре есть посты русских. Они внимательно отслеживают окружающую обстановку и имеют возможности для организации внезапного нападения. Исходя из того, что эти развалины уже проверялись раньше и никого там отыскать не удалось, – развел руками гауптман, – все это хорошо замаскировано, и найти русских с наскока не выйдет. Я не думаю, что это самостоятельность отряда окруженцев. Да и посудите сами, герр Кранц, отряд Лемке начинал почти тридцать хорошо подготовленных солдат, ведь так?

– Так.

– Так сколько же нужно человек, даже и учитывая возможность организации ими засады, чтобы уничтожить их всех? Как минимум – столько же. И это тоже должны быть опытные солдаты. Ведь из монастыря так никто и не вышел, даже и к воротам не приблизился, уж этого-то мы бы не пропустили.

Хорст снова налил себе коньяка.

– Огонь велся также со стен и башен. Помимо этого, я насчитал как минимум два пулемета, которые контролировали подходы к монастырю и не принимали участия в бою. То есть у противника есть силы еще и на это. И там имеются грамотные командиры, которые не упустили из виду и этот аспект боя. Нет, герр гауптман, там сидят не дилетанты. Не знаю, кто вам

там рассказывал об отсутствии у них вооружения. Я этого не заметил. На слух огонь вело не менее трех пулеметов, не считая прочих стреляющих.

– То есть красные нас там ждали... – вертя в руках пустую рюмку, задумчиво проговорил Кранц.

– Во всяком случае – они были готовы и к такому повороту событий.

– Ну что ж... – хозяин кабинета поднял голову, – ладно... Этот раунд остался за ними. Благодарю вас, Генрих! Вы мне очень помогли.

– Мой рапорт будет у вас на столе через два часа, герр гауптман, – сказал снайпер, вставая со своего места.

Проводив гостя, Кранц поднял телефонную трубку.

– Мойзель? Соедините меня с подполковником Нойманом...

Лежавший на койке человек повернул голову на звук открывающейся двери. Увидев вошедшего, он приподнялся на кровати.

– Лежите, сержант. Как ваша нога?

– Да получше уже, товарищ майор. Меньше болит, может быть, и встану уже скоро.

– Не торопитесь. Время пока еще есть.

Майор Осадчий присел на край кровати.

– Вот что, Лемешев, вы говорили, что у вас есть вариант для связи с нашими подпольщиками.

– Есть, товарищ майор! Есть такое дело.

– Тогда – рассказывайте. Что нужно сделать? И куда должен прибыть связной?

– Надо быть на железнодорожной станции. Встреча будет там...

Глава 10

Остановившийся у платформы паровоз выпустил густое облако пара, на несколько секунд накрыв им всех встречающих. Поэтому появление около паровоза еще одного человека прошло незамеченным. Оглядевшись, человек неторопливо зашагал в сторону станционных построек.

Подойдя к зданию станции, человек приоткрыл дверь и вошел внутрь. Кроме орудовавшей веником женщины, внутри никого не было. Осторожно обогнув кучку мусора на полу, визитер подошел к окошку продажи билетов и постучал в него рукой. Еще раз...

Скрипнув, оно приоткрылось.

– Девушка, – наклонившись к окошку, проговорил гость, – мне бы Павла Петровича отыскать? Не поможете?

– Велихова?

– Его самого.

– Так он, – она обернулась и посмотрела куда-то в сторону, – только через час будет. На обед ушел... вы через часочек тогда и подходите.

– Ага! Ничего, если я тут обожду?

– Да ради Бога! Места здесь не купленные, сидите, коли охота.

Визитер, осмотревшись по сторонам, устроился около окна. Смахнув со скамейки несуществующую пыль, он уселся и поставил рядом свой чемоданчик. Открыл его и вытащил оттуда заткнутую пробкой бутылку с молоком и небольшой сверток. Развернул, достал кусок хлеба и отломил от него половину. Убрав остаток назад, выдернул пробку из бутылки и принялся не торопясь перекусывать.

За этим занятием и застал его наряд полицаев, вошедший в зал ожидания.

– Это кто тут у нас такой расселся? – подошел к нему старший полицейский. – Документы есть какие? Покажь!

Человек невозмутимо допил молоко, заткнул пробкой уже пустую бутылку и вытащил из внутреннего кармана пиджака какую-то бумагу.

– Извольте, господин полицейский.

– Старший полицейский!

– Извините, не знал...

Полицай развернул бумагу.

– И кто это тут у нас такой? Невзоров Олег Михайлович... это что? А... состоит на службе в управлении... э-э-э...

– Дойче рейхсбанна. Управление германских железных дорог.

– Не слепой! И так все вижу. Здесь чего делаете?

– Мне начальник станции нужен. По делу я к нему.

– Это по какому же?

– Начальство наше недовольно – работаете плохо...

– Мы?!

– Станция в целом. Составы задерживаются, вагоны разукомплектованные приходят... Уже хотели сюда с инспекцией ехать, да в последний момент герр Шоберт распорядился сначала мне сюда съездить, еще раз все проверить да ему доложить.

– Шоберт? Это кто такой?

Невзоров удивленно посмотрел на полицейского.

– Шутить изволите? Начальника дистанции не знаете?

– Хм... Так это же не мое начальство... ну да ладно, держите ваши бумаги. Сейчас я у Таньки спрошу, когда он будет...

– Она сказала – обедать пошел. Полчаса уже почти его жду.

– А! Ну так и скоро будет уже, он тут рядышком живет.

Утратив интерес к собеседнику, полицейай отдал ему документ и с независимым видом вышел из комнаты на улицу. Его напарник молча проследовал за ним.

Проводив его взглядом, человек прислонился спиной к стене и, надвинув кепку на лицо, задремал.

– Это вы меня искали?

Невзоров поднял голову и сдвинул назад кепку.

Перед ним стоял уже немолодой мужчина в кителе железнодорожника.

– Вы Велихов?

– Ну, Велихов. А вы откуда к нам? И от меня чего надобно?

– Невзоров я. Олег Михайлович, к вашим услугам. А прислал меня сюда господин Шоберт. Так вы и сами все знать должны.

– Да. Знаю об этом... Что-то задержались вы там, еще вчера мы вас ждали.

Невзоров развел руками.

– Так я что? Я человек маленький. Сказали – жди, вот и ждал. А на поезд меня только сегодня посадили...

– Ладно. В кабинет ко мне пойдете, там и поговорим.

Они оба вышли на улицу и, обогнув здание, вошли в него с другой стороны. Пройдя по скрипучим половицам узкого коридора, Велихов открыл дверь и кивком предложил гостю входить.

Сам он повесил на вешалку фуражку и сел за стол.

– Ну, слушаю вас. Чем могу быть полезен?

Визитер осмотрелся по сторонам, задержал взгляд на закрытой двери.

– Вам Иван Дмитриевич кланяться велел.

– Это кто ж такой-то?

– А тот, который Алексеев.

– Не помню такого.

– Ну как же? Ему уже лет шестьдесят стукнуло, вот сам и не приехал.

– Ну... тому, о ком я сейчас подумал, столько еще не натикало. Ему лет сорок, не более.

Оба собеседника замолчали. Велихов поднялся, подошел к двери и запер ее на замок. Вернулся за стол.

– Слушаю вас. Что от меня требуется?

– Прошу садиться, герр Нойман! – Кранц встал из-за стола и указал вошедшему гостю на кресло. – Кофе? Коньяк?

– Коньяк. Хотя и от кофе тоже не откажусь.

Кранц поднял трубку телефона.

– Вилли? Два кофе и коньяк моему гостю.

Прибывший офицер был строен и сухощав. Ладно пригнанный мундир только подчеркнул это.

– Я получил из Берлина приказ оказать вам максимальное содействие, герр оберст.

– Момент, момент, момент! – поднял руки в защитном жесте хозяин кабинета. – Здесь меня знают как гауптмана Кранца, герр оберст-лейтенант. Давайте и впредь будем этого придерживаться. Не возражаете?

– Как вам будет угодно... герр гауптман.

– Вот и хорошо.

В дверь постучали, и вошедший солдат быстро накрыл столик. Расставил чашки, налил кофе и вышел из кабинета.

– Прошу к столу, герр Нойман.

Через несколько минут гость поставил на стол пустую чашку.

– Ваш кофе превосходен. Не ожидал встретить здесь такого ценителя.

– Это подарок адмирала... Итак, герр оберст-лейтенант, перейдем к делу?

– Разумеется.

– Смотрите, – хозяин кабинета развернул на большом столе карту. – Вот интересующий нас объект.

– Монастырь?

– Это прикрытие. Сам монастырь давно заброшен и пуст.

– Тогда что же?

– Где-то в нем имеются входы в подземные помещения. Я не знаю, где именно расположены сами подземелья. Может быть – в самом монастыре. Возможно, что и не в нем. Пока мы этого не знаем.

– Тогда отчего было выбрано наше подразделение? У нас, насколько вам известно, совсем другая специализация. Мы не занимаемся штурмом подземелий.

– Никакого штурма не будет, герр Нойман. Я еще не выжил из ума настолько, чтобы положить наших солдат перед их пулеметами.

– А они там есть?

– Есть. По тревоге красные занимают позиции вот тут и вот здесь – видите обозначения? Это пулеметные точки. В обычное время они пусты, и на стенах и башнях никого не видно. Красные могут очень быстро туда пройти, гораздо быстрее, чем это сделают ваши солдаты при штурме.

– То есть вы хотите, чтобы мы незаметно...

– Нет. Никто не сказал о том, что эти позиции – единственные. Наверняка есть и другие, в том числе и внизу. Более того, я уверен, что и сами подземелья приготовлены к взрыву на случай их захвата противником.

– Хм-м... Тогда... не будете ли вы так любезны разъяснить мне этот момент подробнее?

– Охотно, герр Нойман. Никаких столкновений мне не нужно, нам требуется весь этот бункер – целым и невредимым. Это и должно сделать ваше подразделение. И сделаем это мы таким образом...

Сидевший на завалинке дежурный полицейский меланхолично проводил взглядом проехавшую мимо телегу. Опять хворост повезли? Быка они там, что ли, жарить собрались? Подойти и проверить? И что? Ездить за дровами комендант разрешил, так что поводов для придирки не имелось. Комендантский час еще не наступил, так что... хрен с ними! Пусть себе едут...

Отвлеченный наблюдением за телегой, он не заметил человека, проскользнувшего к полуразрушенному сараю. А тот, убедившись, что остался незамеченным, спрятал в карман пистолет и, держась вне поля зрения полицейского, осторожно скользнул дальше.

Пройдя вглубь поселка, неизвестный перестал прятаться и повел себя более спокойно. Неторопливым шагом он пересек улочку и подошел к угловому дому. Огляделся по сторонам и постучал в окно. Прошло секунд тридцать, и на нем шевельнулась занавеска.

– Кто там?

– Водички попить не будет у вас?

– Так вон – колодец на углу. Пей, хоть лопни!

– Кружки у меня нет... А из ведра несподручно.

– А что так?

- Рука болит.
- Ладно... заходи, дам тебе воды.

Завернув за угол, человек быстро вошел в приоткрытую дверь. Хозяин дома, невысокий кряжистый мужик, окинул его внимательным взглядом.

- Ну?
- Мне связь нужна.
- С кем именно?
- Доложить о прибытии и указания получить на предмет дальнейших действий.
- Что сообщить? Кто прибыл?
- Земляк.
- Добро, – мужик встал с лавки. – Здесь обожди, скоро уже комендантский час, так что на улицу – ни ногой! Прошел чисто?
- Да, вроде бы тихо... Никто за спиной не маячил.
- Жди меня здесь. Огня не зажигай, один я живу, не ровен час – увидит кто. Скоро вернусь.
- А комендантский час?
- У меня пропуск есть. Я в управе истопником работаю, так что ходить туда во всякое время должен.

Гауптману фон Кранцу

Докладываю, что сегодня, в 20.15 в квадрате 23–40 был зафиксирован выход в эфир неустановленного радиопередатчика. Сеанс связи продолжался семь минут. Прибывшей на место дежурной группой комендатуры была произведена проверка местности и близлежащих построек, но ничего подозрительного обнаружено не было.

Начальник отдельной группы функабвера лейтенант Монге

Глава 11

Утром ко мне заглянул майор. Настроение у него было слегка приподнятое, надо полагать, какую-то проблему решить ему удалось.

Поселили меня в отдельной комнатке, очень похожей на его обиталище. Так что стул здесь нашелся. На него майор и уселся, предложив мне присесть на еще не убранную койку.

– Хочу вас обрадовать, товарищ Котов!

Интересно, чем? К нам пробилась свои? С какого еще бодуна? Не помню я подобных фокусов в истории.

Однако зовет он меня уважительно-нейтрально – «товарищ Котов». Не по званию – документов-то моих он не видел, но и не «товарищем бойцом». И это уже плюс, хотя и небольшой еще.

– С удовольствием порадуюсь с вами вместе, товарищ майор. Если, конечно, скажете, чему именно я должен буду обрадоваться.

Осадчий качает головой.

– Экий вы человек сложный...

– Простой я человек. Если знать, под каким углом глядеть.

– Расскажите?

– Не проблема, товарищ майор. Только вот, увы, всего рассказать просто не могу. Права не имею.

– Ну да ладно, об этом мы после поговорим, – он пристально на меня смотрит. – Нам удалось установить связь со своими. За линией фронта.

И какой реакции он от меня ждет? Я должен от радости запрыгать? На руки встать? Лично мне от этого не жарко и не холодно. Но разочаровывать его не станем...

– Это – действительно хорошая новость, товарищ майор.

– Вам ничего передать не нужно?

Иными словами – подтвердите свои полномочия, дорогой товарищ.

– Боюсь, товарищ майор, что это будет прямым нарушением полученного мною приказа.

– Как хотите, – пожимает он плечами. – Мы получили приказ на прорыв. Вы идете с нами?

– Странный вопрос, товарищ майор. Разумеется, иду. Или, – тут уже я смотрю на него подозрительно, – у вас есть свои соображения на этот счет?

Осадчий смутился.

– Нет, конечно, нет. Мы все идем вместе. Только вот... – он вопросительно на меня смотрит, – в каком качестве вы рассчитываете это делать?

И когда же тебе, майор, надоест в шпионов играть?

– В качестве командира...

Осадчий ощутимо напрягся.

– ... отдельной разведгруппы. Как это и есть на сегодняшний день. Или у вас, товарищ майор, есть другие предложения?

– Но... как же ваше задание?

– Вы же не собираетесь оставить все найденные вещи и документы (знать бы еще – какие?!) в этом бункере? В этом случае мне, действительно, придется решать этот вопрос самому...

– То есть вы намерены и впредь оставаться для окружающих рядовым бойцом?

– И чем дольше это будет – тем лучше. Согласитесь, что мое внезапное преобразование вызовет ненужные вопросы... и привлечет излишнее внимание. У меня есть только одна просьба, товарищ майор.

- Какая же?
- Я должен лично удостовериться в том, что мы уносим с собою в с е.
- Каким образом?
- Осмотреть место обнаружения тела и все найденные при нем вещи.
- А что, у вас есть основания подозревать нас в невнимательности?
- Есть. Вы же не знаете, что могло при нем еще быть.
- А вы?

Хотел бы я это знать!

- Номера оружия и прочие подробности вас не убедили?

Майор молчит и смотрит на меня. Встает и кивает на дверь.

- Пошли...

Пройдя по коридору метров двадцать, он открывает еще одну дверь, и мы спускаемся вниз по узкой лесенке. Поворот, еще один, короткий коридор и тупик. Там, перед закрытой железной дверью, расхаживает часовой с автоматом. Верхний запорный рычаг двери обмотан тросом, на концах которого имеются две проушины. В проушинах троса болтается обыкновенный амбарный замок.

- Левченко, – говорит ему майор, – посмотрите здесь...

Тот молча отходит в сторону. Осадчий вытаскивает из кармана ключ и снимает замок.

Скрежещут петли, и дверь приоткрывается.

Вот я и у цели...

Осадчий подходит к обыкновенному канцелярскому шкафу и открывает его.

- Смотрите.

На полках шкафа лежат оружие, полевая сумка, обгорелый комбинезон. В нижнем отделении стоят сапоги.

Беру в руки знакомый мне по прошлому (будущему?) нож. Надо же... вот уж не думал, что еще раз доведется мне его увидеть. Интересно, а как он к своему последнему хозяину попал? И попадет ли теперь?

Нож все тот же. Только не такой старый, да и царапин на нем нет.

А вот и ТТ. Тот самый, на десять патронов.

Кладу все оружие на место.

Что тут еще?

Комбинезон. На левом плече уцелевший погон. Правого плеча нет, тут капитально выгорело.

– Вам известно, что это? – майор зашел чуть сбоку и внимательно следит за моими действиями.

- Да, товарищ майор. Это погон. Только вот второго не вижу.

– А его и не было. Я же говорил, что тело сильно обгорело. Чему соответствуют эти обозначения?

- Майор. Танкист.

– Откуда вы это знаете? Где это существует подобная форма и знаки различия? В белогвардейской армии?

Вот черт! И кто меня за язык тянул?

- А что, кроме них, ни у кого погон больше нет?

Особист задумчиво чешет висок.

- Ну...

– В болгарской армии есть. И форма практически такая же. В Югославии тоже.

- Так они сейчас с немцами в союзе?

– Югославы? Разбили их немцы. Болгары – да. Но в данном случае – форма наша. Сейчас рассматривается вопрос о введении погон также и у нас.

– Вы серьезно?

– Годик подождите и увидите... – я присаживаюсь на корточки и осматриваю сапоги. Да, точно такие же я тогда подобрал в полицейском участке. И у Яковлева на столе похожие стояли. Значит, американец? Похоже, что так...

Встаю и беру с полки полевую сумку. Что тут?

Деньги. Две толстые пачки. Пустые бланки, какие-то бумажки...

Не то...

Что же, его сюда с пустыми руками послали? Да быть того не может.

– Подождите, Котов... – майор все никак не может собраться с мыслями. – Человек этот... он что, на контакт с болгарами шел?

– Не знаю, товарищ майор. Может быть, и с ними. Может – еще с кем-то. У меня таких сведений нет. Как бы то ни было – никуда он не дошел... оттого и я здесь нахожусь.

Ох, что-то темнит особист. Вон он как передо мною ваньку валяет. Погоны его удивили, ага! Да он их тут небось только что на вкус не пробовал. Это он так внимание на себя оттягивает.

А зачем?

Для чего это ему?

Чего-то он еще от меня ждет...

Беру в руки пистолет, вытаскиваю обойму – пусто. А патроны где? Вот и они – в углу лежат несколько картонных пачек. Беру одну из них в руки.

И сразу же ловлю боковым зрением инстинктивное движение руки особиста к кобуре.

Ага...

Вот, значит, как... не закончились еще проверки-то...

А ведь оружие мне так и не вернули...

Кладу патроны на место и проверяю ствол у пистолета.

Пусто...

То же самое и с автоматом.

Гранаты я разбирать не стал.

– Вы что-то ищете, товарищ Котов?

Значит, есть чего искать?

Думай голова – картуз куплю!

Что должно еще быть у этого проваленыша?

Оружие?

Вот оно.

Деньги?

Присутствуют.

Одежда?

Передо мною лежит.

Стоп...

Деньгами сыт не будешь...

Сажусь на корточки и проверяю нижнюю полку. Кроме сапог тут ничего нет.

– Где его вещмешок, товарищ майор?

– Какой еще вещмешок?

Смотрю на него, отвернувшись от шкафа. Хочется надеяться, что видок у меня еще тот – ходячее изумление.

– Так вы его не нашли?!!

Вскакиваю с места.

– Чего ж мы тогда тут время теряем-то?! В лес надо! Бойцов мне с десятков – место, где его нашли, обыскать надо! Самым тщательным образом, товарищ майор.

Захлопываю дверцу шкафа и делаю шаг к двери.

– Обождите... Котов...

Оборачиваюсь к майору. Он смущенно отводит глаза – не привык в глаза брехать? Странно... с его-то профессией?

– Ну... есть вещмешок... Здесь он, не надо никуда бежать...

Осадчий встает на цыпочки и снимает со шкафа обыкновенный вещмешок. Он лежит так, что ни с какого места в комнате увидеть его невозможно. Потолок тут низкий и верхушка шкафа попадает в тень.

Майор кладет его передо мной.

– Смотрите...

Так, что тут у нас есть?

Вещмешок, в отличие от стандартного, разделен внутренней перегородкой на два отделения различной емкости. Лезу в ближайшее. Здесь у нас продовольствие.

Консервы – обыкновенная тушенка «второй фронт». Сам я их не пробовал, но на складах видеть приходилось. Галеты, несколько пачек. Жестяная банка с чаем, холщовый мешочек с колотым сахаром. Еще какие-то банки. Тоже, надо полагать, консервы, но на этот раз какие-то незнакомые. Больше в этом отделении ничего интересного нет, и я развязываю завязки на втором.

Прямоугольная металлическая коробка. На верхнем торце вижу колесики цифрового замка. Интересная штука! В свое время, еще на учебе, нам такую штуку показывали. Это немецкий контейнер для хранения документации. Насколько я помню, сломать его чрезвычайно тяжело, стенки у него толстые, чуть не по два миллиметра. Или даже больше. Во всяком случае, сидеть на нем можно свободно, этого он не боится и никак не деформируется. Кстати говоря, воды он тоже не боится. Штука довольно редкая. Подбрасываю контейнер на руках. Ого! А он не пустой!

– Знаете что это? – за моей спиной спрашивает майор.

– Знаю. Это немецкий ящик для перевозки секретной документации.

Только вот, если мне не изменяет память, выпускать их немцы начали году примерно в сорок четвертом. Понятное дело, что в сорок пятом да еще и в Германии такой ящик выглядел бы совершенно обыденно. Но вот в данный момент...

– А как он открывается, вы знаете?

– Знаю. Надо набрать колесиками пароль, и тогда верхняя часть сдвинется назад относительно нижней. После этого ее можно приподнять.

– И что? Тогда можно будет посмотреть, что там внутри?

– Это вряд ли. Каждое отделение закрывается собственным замком, и чтобы его открыть, нужен свой ключ.

– Вот такой? – майор показывает мне парочку ключей на кольце.

Беру в руки ключи и внимательно их разглядываю. Нержавеющая сталь. Это уж точно не советского производства, у нас таких в то время не делали. Работа тонкая, почти ювелирная, борodka очень сложной формы.

– Очень даже может быть. Во всяком случае, похоже здорово. А кода вы не знаете?

– А вы?

– И я не знаю.

– Сломать этот ящик как-то можно?

– Запросто. Только вот толку с этого не будет.

– Это еще почему?

– В одном из отделений, причем я не знаю, в каком именно, может располагаться тротилловая шашка весом грамм в сто. Сами понимаете, что после этого от ящика останется.

Особист удивленно на меня смотрит.

– А что же вы его тогда в руках так-то подкидывали? А ну как рванул бы?

– Это вряд ли... Тут система предохранения с умом сделана. Теоретически им можно даже в футбол играть – не должен рвануть.

Майор хмыкает.

– Ну, вот уж от этого я воздержусь.

– Да и я как-то не поклонник футбола.

– А что ж тогда уважаете?

Я чуть было не бухнул ему: «Хоккей!» – да вовремя сообразил, что про такую игру тут, наверное, никто и не слыхивал.

– Бокс люблю. Это как-то жизненно. И посмотреть приятно, да и самому попробовать не помешает.

Осадчий присаживается рядом со мной и рассматривает ящик.

– Интересная фиговина. Мы подозревали, что это какая-то штука для перевозки документов. Но как ее открыть, никто не знал.

– Хорошо, что не попробовали. А то есть шанс, что мы бы с вами сейчас не разговаривали. Это все, товарищ майор, больше ничего нет?

– Ну, я полагаю, что вас, в первую очередь, именно этот предмет и интересовал?

– Ну, ничего другого у него и не должно было быть.

Вообще говоря, утверждение достаточно спорное. Я исходил из того, что во втором отделении ничего кроме обнаруженного контейнера просто не поместилось бы. А вдруг этот хитро выделанный американец запихал какой-нибудь пакет себе в штаны? Но судя по реакции майора, сказал я все правильно.

– Ну, в общем-то, да. Это все, что мы при нем нашли. Хотя... Есть еще один документ. Предписание об оказании его владельцу всемерной помощи.

– Естественно. А что же вы хотели, чтобы он совсем без документов был?

– Так вы знаете, кто его подписал?

– Конкретно этот – не знаю. Но вообще документы подобного рода подписывает не ниже чем замнаркома. Во всяком случае, те, которые я видел, были исполнены именно таким образом.

– И много уже приходилось видеть таких бумаг?

– Товарищ майор...

Особист смущенно кашляет.

– Ну да, ну да. Извините. Не подумал сгоряча.

Ага, щас! Не подумал он. Не надо мне горбатого лепить.

– Ладно, – встает майор. – Пойдемте-ка наверх. Надо посидеть да подумать, как нам дальше действовать. Бойцов ваших из лагеря вызвать. Вы правы, место обнаружения тела надо проверить еще раз.

Мы выходим из комнаты, и Осадчий снова закрывает дверь. Проходим к нему в комнату. Там уже ждет старый знакомый – лейтенант. Майор садится на стул и кивает мне на откинутую койку.

– Значит так, товарищ Котов. Объяснения ваши в целом меня устраивают. Как вы должны понимать, свою охрану у документов я уже выставил. Так оно впредь и останется. Вы вместе с вашими бойцами образуете разведывательную группу, которая будет подчиняться непосред-

ственно мне. Не обижайтесь, но до подтверждения ваших полномочий иного решения я принять не могу. Вопросы есть?

– Нет, товарищ майор. Никаких вопросов у меня нет.

– Ваших бойцов мы сегодня вызовем сюда. Базироваться будете здесь, в бункере. Осмотр места проведем завтра утром.

– А что касается связи с нашими? Когда вы планируете выход? А то ведь можем и не успеть.

– На этот счет будет прямое указание. К нам должен прийти связной.

Глава 12

Телефонный звонок

- У аппарата гауптман Хорст.
- У аппарата гауптман Кранц. Здравствуйте, Генрих. Как ваши дела?
- Все в порядке. Мы заняли указанные позиции.
- Отлично. Ваша работа начинается с шестнадцати-ноль-ноль завтрашнего дня. И ни минутой раньше. Начиная с указанного времени, мимо вас в сторону монастыря не должен пройти ни один человек.
- Ни один?
- Да, гауптман. Ни один, кем бы он ни был. Монастырь и лагерь окруженцев должны быть полностью изолированы от внешнего мира.
- Но мы же не перекрываем дорогу от монастыря к основной массе окруженцев.
- И не надо. По этой дороге они могут ходить в любую сторону сколько им вздумается.
- Я вас понял, герр гауптман. Все будет исполнено вовремя.

- Разрешите войти, товарищ майор?
- Осадчий поднял голову.
- А, это вы, лейтенант... заходите. Что нового?
- Получено сообщение от связного из центра.
- Давайте! – майор резко приподнялся с места. Взяв из рук лейтенанта пакет, разорвал его по верхнему краю. – Так... что тут у нас? Ага... Лейтенант, через полчаса соберите в штабной комнате всех командиров. Если капитан еще не отбыл в батальон, задержите его – и тоже на совещание. Если уже ушел, то позвоните в батальон и вызовите его ко мне.
- Слушаюсь! – лейтенант козырнул и повернулся к двери.
- Да, и еще. Пригласите Котова...

Я лежал на койке и мысленно прокручивал в голове последние события. Ну, ладно, проваленьша я отыскал. Вещи его видел. И что? Стала ли моя основная задача от этого ближе? Не факт... А что факт? И так – первое. Американец погиб. От чего? Майор говорит, что он сильно обгорел. Интересно, а погиб он от этого? Или уже позже в костер вляпался? Вот посмотрю на место его обнаружения, тогда и отвечу, по крайней мере, хотя бы на этот вопрос.

Далее – второе.

Вещи проваленьша. Оружие... тут вопросов нет, американцы подготовились тщательно. Патроны по маркировке соответствуют, пачки клеевые, а не как в наше время – на скрепках. Ага, еще и из нержавеющей стали. Нет, тут все правильно, комар носу не подточит. Банки тоже без наворотов. Ну уж, при их-то возможностях, наклепать десяток банок с тогдашней маркировкой – раз плюнуть.

А что же тогда меня свербит?

Снаряжение, вооружение, запасы – все в норме, разве что гранаты и погоны? Так его на сорок пятый готовили, так что все в пределах погрешности.

Нет. Есть еще что-то...

Спиной чувствую – есть!

И ведь выяснится позже, что я эту хреновину либо в руках держал, либо видел, но значения ей не придавал. Бывало уже так, результаты подобной невнимательности горбом отрабатывать приходилось...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.